

Виктория Данилова

**Екатеринбургский
цирюльник**

Виктория Данилова

Екатеринбургский цирюльник

«Издательские решения»

Данилова В.

Екатеринбургский цирюльник / В. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852100-3

События, описанные в романе, происходят в наши дни, в городе Екатеринбурге. Один из главных героев, Вадим Кныш, владелец парикмахерского салона «Мирабель». Он очень популярен и считается лучшим женским мастером. Казалось бы, жизнь удалась. Но герой постепенно начинает понимать, что его талант — это не божий дар. Трагическая история, в которую трудно поверить. Но все ли мы знаем, чтоб сомневаться в реальности прочитанного? Конечно же, нет...

ISBN 978-5-44-852100-3

© Данилова В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Екатеринбургский цирюльник

Виктория Данилова

© Виктория Данилова, 2017

ISBN 978-5-4485-2100-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Максим Оршавин вышел из здания аэропорта. Надо бы сесть в такси и ехать в гостиницу, но он не спешил. Мужчина отошел в сторону от суетливо снующих пассажиров и закурил.

Прошло чуть больше двух недель после его первой поездки в Екатеринбург. И вот, он снова здесь, в этом городе, который мог бы стать его маленькой родиной, тем крохотным уголком нашей необъятной страны, про который, выходя из самолета или поезда, он мог бы сказать: «Я вернулся домой».

Но, жизнь распорядилась иначе. Максим родился и вырос в Москве. До недавнего времени Екатеринбург для него был всего лишь далеким уральским городом. До недавнего времени он даже не задумывался о том, что именно в нем зародилась его жизнь. До недавнего времени он особо не интересовался, кто те люди, что подарили ему жизнь. Почему они бросили его? Как так случилось, что он оказался на попечении государства? Конечно, такие вопросы возникали. Но, Максим не искал на них ответов. Зачем? Зачем они нужны эти ответы? Что они дадут? Ничего, что могло бы повлиять на жизнь взрослого человека. Человека, который без материнской ласки и отцовской заботы смог не просто выжить, а добиться успехов.

И вот сейчас, когда он должен бы поживать на лаврах своих достижений, судьба решила отмотать его жизнь назад, открыв тайну его происхождения. Теперь Максим знает, кто была его мать. Теперь он знает, кто его настоящий отец. Сегодня он приехал к нему. Казалось бы, все передумано и все решено.

«Когда это началось»? – думал мужчина, доставая из пачки вторую сигарету. Оршавин имел в виду головную боль, что наступала внезапно. Он не придавал этим приступам значения, считая их последствиями нервного перенапряжения. Сейчас, выкуривая сигарету за сигаретой, он ждал, что вот-вот наступит облегчение, и можно будет сесть в такси. Оршавин надеялся, что вместе с этим облегчением исчезнет и то волнение, что начинает перерастать в страх перед первым шагом в его новую, совершенно другую жизнь. «Ничего, ничего, осталось совсем чуть-чуть», – убеждал себя Максим, делая очередную затяжку.

– Ничего, ничего, – повторил он вслух, и, выбросив в урну окурки, зачем-то вернулся в здание аэропорта.

Глава первая

Игорь Збруев прохаживался по коридору пожарной части, и, заглянув в комнату отдыха, подошел к своим сослуживцам, играющим в карты.

– Пришел, все таки. А то – я не хочу, не буду, – сказал один из них.– Сейчас, пара сек. Смотри, как я его сделаю, – продолжал он.

Игорь присел на свободный стул и стал наблюдать, как Семен Ермаков, обыграв прапорщика Мазаева в дурака, навешивал тому погоны.

– Ну, что, кто следующий? – спросил довольный Ермаков, глядя на Збруева.– Давай, сдавай!

Игорь взял измусоленную колоду и стал тщательно перемешивать выдавшие виды карты. Мобильник, вибрирующий в кармане, оторвал его от этого занятия.

– Да, – сказал Збруев, не глядя на монитор.

– Здравствуй, – послышалось в трубке.– Узнал?

– Да. Конечно, – после минутной паузы ответил мужчина.

– Ты помнишь, что завтра годовщина у Владика?

– Помню, – Збруев положил колоду карт на стол и вышел в коридор.– Помню, конечно, помню, – продолжил он.

– Я хочу, чтоб мы вместе съездили к нему на могилку.

– Хорошо. Когда и где тебя забрать?

– Я сама заеду за тобой. Завтра, во второй половине дня, будешь дома?

– Да.

– Тогда жди, часика в три я подъеду. Если что, я перезвоню.

– Ты села за руль? – зачем-то спросил Збруев.

Но, его уже никто не слышал, в трубке раздались короткие гудки. Желание вернуться к игрокам пропало. Мужчина прошел в туалет, к единственному разрешенному месту курения, и, достав сигарету, жадно затянулся. В несколько затяжек он всосал одну, потом другую. Лишь третья сигарета, докуренная до половины, полетела в банку с водой. Мужчина какое-то время стоял и смотрел, как та, намокая, потухла, после чего быстро вышел в коридор. Там он столкнулся с начальником караула Кирсановым.

– Что, Збруев, скучаешь без работы? – спросил тот.

– Никак нет, справляю естественные нужды, – с нескрываемой иронией в голосе ответил Игорь.

– Ну-ну, – произнес Кирсанов, не замечая издевательского тона.

«Идиот. Какой же ты идиот», – подумал про начальника Збруев и направился в спальное помещение караула. В комнате, заставленной рядами двух ярусных кроватей, никого не было. Игорь упал на одну из них. Нет, он не собирался спать, хотя сегодняшнее спокойное дежурство вполне располагало ко сну. Мужчина просто хотел побыть один. Телефонный звонок выбил его из равновесия. Звонила его бывшая жена, Кира, которую он не видел несколько лет. Как она узнала номер мобильного? Как вообще нашла его? Збруев не искал ответов на эти «как». Уставившись в панцирную сетку верхней кровати, он вспоминал все, что связывало когда-то эту женщину и его.

Игорь Збруев был поздним и единственным ребенком. Он появился на свет, когда его матери, Наталье Сергеевне, уже исполнилось сорок лет. Эта беременность была долгожданной. Рожать или не рожать, сомнений не было, не смотря на все советы врачей. Мальчик родился

в срок и вполне здоровеньким. Семейное счастье Збруевых длилось чуть больше десяти лет. К пятидесяти годам Наталья Сергеевна стала часто болеть, сказались так и, поздние роды на ее и без того больном сердце. Игорю еще не исполнилось одиннадцати лет, когда мать умерла от сердечной недостаточности. Дом Збруевых осиротел. Отец, Алексей Николаевич, пережив такую потерю, продолжал воспитывать сына один. О втором браке мужчина даже не помышлял. Он заботился о сыне как мог, проводя большую часть времени на работе. Игорь, хоть и был предоставлен сам себе, особых проблем отцу не доставлял. Он рос самостоятельным, запросто мог сам приготовить поесть и себе и отцу. Мальчик хорошо учился и после окончания школы поступил в Горную академию. Именно там и началась его взрослая жизнь.

В начале первого курса Збруев познакомился с красавицей Кирой Ждановой. Высокая, стройная, с шикарными длинными волосами пепельного цвета, с очаровательной улыбкой, от которой на лице появлялись ямочки. Игорь долго вспоминал их первую встречу, когда он с сокурсниками выбежал на улицу и чуть не сбил девушку с ног. Долго извиняясь, молодой человек смотрел в ее серые глаза, которые показались ему тогда огромными и испуганными. Ему не составило труда выяснить, что это первокурсница, что зовут ее Кира и живет она в студенческом общежитии. С тех пор Збруев стал частым гостем этого общежития. Результатом их страстной любви стала беременность. Узнав о том, что скоро станет отцом, Игорь собрал вещи Киры и перевез ее на родительскую квартиру.

– Познакомься. Папа, это Кира, – сказал он отцу, когда тот вернулся с работы. – Она будет жить с нами. Я ее люблю. Мы любим друг друга. У нас будет ребенок, – вылепил молодой человек разом.

– Сколько тебе лет, девочка? – спросил Алексей Николаевич, придя в себя от такой новости.

– Восемнадцать, – ответила смущенная Кира.

– Ну, слава богу, слава богу, – мужчина с облегчением выдохнул. – Что ж, раз вы все решили, пусть живет. Только давайте все по-хорошему, как полагается. С родителями надо познакомиться. Они вообще в курсе? Отношения ваши надо узаконить.

– У меня только бабушка, – произнесла Кира. – Мы с ней вдвоем живем.

– Бабушка так бабушка. А где живет бабушка?

– В Поливаново, деревня такая в Челябинской области.

Беседа с Алексеем Николаевичем, которой так боялись влюбленные, продлилась долго и закончилась его отцовским благословением

– Что ж, женитесь, живите, любите друг друга, берегите друг друга и будьте счастливы.

Возможно, отец, где-то в душе не приветствовал столь неожиданное и скороспелое бракосочетание, но другого варианта он тогда не видел. Через неделю на стареньком Жигуленке Збруевых все трое поехали к Кириной бабушке. Марина Васильевна была шокирована не меньше, чем Збруев старший. Придя в себя, женщина приняла своих будущих родственников по всем правилам гостеприимства. За два дня пребывания в ее доме было принято единодушное решение, обойтись без свадебного торжества. После регистрации в ЗАГСе они отметят бракосочетание тесным семейным кругом. Гулять на широкую ногу возможности не было ни у Збруевых, ни у Ждановых. Игорь и Кира отнеслись к этому нормально. Собственно, в тот момент для них это не имело никакого значения. Они были счастливы от того, что любят друг друга, что они вместе, от того, что у них скоро родится ребенок, их ребенок.

Кира быстро привыкла к роли жены и будущей матери. Она взяла академический отпуск и с удовольствием хозяйничала по дому. Девять месяцев пролетели, словно один день. В семье Збруевых родился сын Владислав. Игорь продолжал учебу, совмещая ее с работой сторожа в детском саду. Конечно, он уставал, но когда возвращался домой и видел свою кроху, забывал обо всем. В то время они с Кирой были счастливы, а все житейские трудности казались им

временными. Глядя на жизнь сквозь розовые очки наивной юности, они не подозревали, какое испытание готовит им жизнь.

Через два года после рождения Владика умерла Кирина бабушка. Збруевы похоронили Марину Васильевну в родной деревне. Ее старенький домик в деревне достался девушке, как единственной наследнице. Он долго пустовал. Лишь спустя год Игорь с Кирой и подрастающим сынишкой приехали в Поливаново. Нужно было решать, что делать дальше с этим имуществом, которому требовались хозяйские руки. Осиротевшие деревенские дома не могут долго существовать без хозяев. Они начинают разрушаться на глазах. Когда-то Кире нравилось, что они с бабушкой живут на окраине, вблизи соснового бора и озера. Сейчас же, родной дом показался совсем чужим, каким-то отверженным и отодвинутым за территорию деревни, совсем не вписывающимся в общую массу деревенских построек. «Он лишний», – подумала девушка, когда все тот же старенький Жигуленок Збруевых остановился у калитки.

Владик спал на руках матери, а она, глядя сквозь лобовое стекло, безмолвно плакала. Игорь сначала растерялся, а потом стал успокаивать жену. Понимая причину ее слез.

– Кирочка, не плач. Все хорошо. Не плач, а то Владика разбудишь, и он испугается твоих слез. Давай, выйдем. Посмотри. Как красиво кругом, – говорил он.

Наверное, это были не те слова, которые хотела услышать девушка, но ничего другого в голову Збруева не приходило. Наконец, Кира успокоилась и открыла дверь машины. Проснулся Владик, и она, переключившись на него, казалось, тут же забыла про свои слезы. На улице стояла жара. Сидеть в машине было уже невозможно. Сын первый выбрался наружу и направился напрямиком к калитке. Кира выскочила за ним. Игорь тоже не стал задерживаться. Он вышел, прошелся вдоль забора и стал доставать вещи из машины. Все это время он поглядывал на дом. Трудно было не заметить, как тот изменился с их последнего появления здесь. Стены дома посерели, на крыше были видны оторванные листы проржавевшего железа, калитка покосилась. Она с трудом поддалась, когда они все вместе пытались войти во двор. Скрипящие петли позволили сдвинуть ее только на половину, в которую протиснулись долгожданные хозяева.

– Тебе придется их смазать, слышишь, Игорь. Этот звук отвратителен, – крикнула Кира, проходя вместе с сыном к дверям.

– Хорошо. Конечно. Все сделаю, – ответил тот, и, подхватив сумки, поспешил за семьей.

– Папа, давай, я тебе помогу.

Владик убежал от матери, и, ухватившись за край сумки, шел рядом с отцом.

– Ну, помоги, а то без тебя я не донесу, – отвечал Збруев.

В тот день Кира больше не плакала, даже на кладбище у бабушки. Они вместе привели в порядок могилку, пристроили, привезенный с собой венок. Игорь возился с Владиком, контролируя, чтоб тот не убежал далеко. Он дал возможность Кире посидеть наедине с Мариной Васильевной. Вернувшись домой, все дружно стали обживать осиротевший дом. Кира помыла полы, протерла пыль и занялась приготовлением обеда. Игорь суетился по хозяйству. Он так и не нашел, чем смазать скрипящие петли калитки, и, оставив это занятие, стал ковыряться в электропроводке. У подключенного счетчика постоянно выбивало пробку, отчего плитка, на которой жена пыталась приготовить обед так и не успевала нагреться.

– Это кошмар. Тут все менять надо, – ворчал Збруев. – Надо привезти сюда отца. Он спец в этом и поменяет всю проводку и счетчик заодно.

Кое-как, но ему, все же, удалось подать электричество, и плитка заработала.

– Ты бы занялся окнами, – попросила Кира.

– А что с ними?

– Я бы хотела их помыть. Но, сначала нужно убрать рамы.

– Не понял. Зачем?

– Боже, ты, конечно, не знаешь, зачем. За тем, что в доме они двойные. Одни из них вставляют на зиму, а летом убирают. Иди сюда, я тебе покажу.

Игорь, живя в городских условиях, и не догадывался о таких устройствах. Его очень поразило, что в окно вставляется еще одно и крепится по краям. В доме Марины Васильевны этот крепеж представляли обыкновенные гвозди.

– Вот это чудеса! В мире прогресса и электроники видеть такое, – вслух поражался Збруев.

– Да, вот так вот живут люди в глухих российских деревнях. А ты хотел евро окна конечно. Извини, но их бабушка не могла себе позволить.

– Да ладно ты, не обижайся. Я же, и, правда, не знал и не видел таких чудес.

– Я и не обижаюсь, работай, давай.

Игорь справился только с одним окном на кухне.

– Хватит и одного пока, – заявил он, распахивая створки. – Ночью комаров налетит, а москитной сетки у нас с собой нет.

– Сетки нет, но я взяла фумигатор, включим его. Хотя, ты прав, давай оставим все на завтра. Что-то устала я уже. Не будем дверь закрывать, пусть проветривается.

День пролетел одним мигом. К вечеру Збруев понял, что жизнь в деревне, это не так-то просто. Наигравшийся на свежем деревенском воздухе Владик заснул, едва справившись с кашей. Уложив его в постель, родители с облегчением выдохнули. Теперь и они могли, наконец-то, расслабиться. Игорь и Кира вышли во двор. Жара спала с наступлением сумерек. Сидеть на улице под звенящий хор кузнечиков было одно удовольствие. Збруев достал бутылку вина и налил в стаканы.

– Давай уже выпьем за эту красоту, что нас окружает, за нас, за наш отдых.

– Давай, – согласилась девушка.

– Слушай, а пошли на озеро, искупаемся, – предложил Игорь, опустошив стакан.

– А Владик?

– Владик спит, как убитый. Пошли. Он и дома за всю ночь не просыпается ни разу, а здесь, тем более. Он так умаялся, что ты его и утром не поднимешь.

– А действительно, пошли. Я знаю одно классное место, там никого не бывает.

Родители вошли в дом и убедились, что сын крепко спит.

– Прикрой окно, мало ли, какой деревенский кот забредет и напугает Владика, – сказала девушка.

Збруев подошел к кухонному столу-тумбе, стоящему у распахнутого окна, и, перевалившись через него, закрыл створки. Нижний шпингалет он опустил вниз до упора.

– Светильник не выключай, пусть горит, – прошептала Кира.

Она вытащила из сумки, с еще неразобранными вещами, большое махровое полотенце. Окинув взглядом комнату, в которой спал Владик, девушка прислушалась. Ровное дыхание спящего сына и едва уловимое посапывание окончательно ее успокоили. Вместе с Игорем она пошла к выходу. Тот тихонечко прикрыл входную дверь. Оказавшись на улице, Збруев закрыл еще и двери сеней. Постояв минутку, он повернул торчащий в замочной скважине ключ, и сунул его в карман бриджей. «Мало ли, кто бродит здесь ночью», – подумал молодой человек. Он догнал жену, и, подхватив ее под руку, вывел со двора.

– Идем, вон туда, – указала Кира на тропинку, ведущую к сосновому бору.

По ней они довольно быстро вышли к озеру и остановились у воды. Вдали, почти по всему берегу были видны палатки и суетящийся народ. Кто-то барахтался в воде, кто-то сидел у костра, кто-то вытанцовывал под музыку, которая была хорошо слышна в ночном пространстве. Скинув обувь, Игорь шагнул в воду.

– Водичка, класс! – произнес он.

Быстренько сбросив одежду, счастливая парочка вбежала в озеро. Отплыв от берега на приличное расстояние, они не спешили возвращаться.

– Как же здесь здорово, – произнес Збруев, переворачиваясь на спину. – Завтра берем Владика и сюда. На весь день, слышишь. Пусть ребенок почувствует лето.

– Угу, – согласилась Кира, и, опережая мужа, быстро поплыла к берегу.

– Ты бросаешь меня? – крикнул ей тот вдогонку. – Если я тебя сейчас догоню, знаешь, что я с тобой сделаю?

– Что?

– А вот, что, – Игорь уже был рядом и запрыгнул на жену сверху.

Они стали опускаться на дно, но вскоре вынырнули на поверхность.

– Ты меня хочешь утопить?

– Да, я хочу тебя, но не утопить. Я хочу тебя, слышишь, – шептал Игорь, обнимая жену.

Ее мокрое тело возбуждало так сильно, что Збруеву уже было плевать на то, что где-то рядом могут быть люди. Он первый раз занимался сексом в воде. Каждое движение жены, это плавное отдаление ее тела, сменяющееся глубоким проникновенным слиянием с ним, неописуемым блаженством отражалось в каждой клеточке. Неожиданно быстро наступивший финал не успокоил возбужденный организм. Збруев подхватил Киру на руки и вынес на берег. Уложив ее на полотенце, он продолжил начатые в воде ласки. В этот момент и Кира, и Игорь, словно провалились куда-то, и совсем забыли, что дома остался спящий Владик.

А мальчик спал, и спал крепко. Он не видел, как заискрилась розетка, в которой торчал тройник, с включенными в него светильником и фумигатором. От искры загорелся пересохший кусок обоев, наклеенных прямо на провод. Владик проснулся, когда огонь охватил почти весь дом. От испуга он даже не мог кричать, а лишь спрятался под кроватью и тихонько плакал, закрыв глаза. Старенький домишко вспыхнул, как факел.

В это время Игорь и Кира, уставшие от любовных утех, лежали на песке. Странный шум и крики людей раздались одновременно.

– Что это? Ты слышал? – испуганная девушка вскочила на ноги.

Сквозь ряды сосен она еще не видела огня, но запах дыма заставил ее побледнеть. Дым шел со стороны их дома. Ни слова не говоря, Кира бросилась бежать. Збруев тут же вскочил, и, подхватив одежду, помчался за ней.

– Нет! Нет! – заорала девушка, когда увидела, что бабушкин дом полностью объят огнем.

Не обращая внимания на собравшуюся толпу людей, она бросилась туда, где был ее сын.

– Стой, дура! – поймал ее за рукав футболки какой-то мужчина. – Ты куда? Совсем с ума сошла! Сгореть хочешь, дура!

– У меня там сын. У меня там сын, пусти, – орала обезумевшая Кира.

Подбежавший Игорь перехватил жену из рук незнакомца и крепко сжал ее, пытаясь удержать. Девушка вырывалась, колотила мужа кулаками, кусала его, повторяя: «Пусти, пусти меня к сыну!» Збруев, словно не слышал крика, он пятился назад, оттаскивая жену от огня. В его испуганном взгляде отражалось пламя и больше ничего.

Собравшийся народ не пытался тушить дом. Его уже нельзя было спасти. Люди делали все, чтоб огонь не перебросился на соседние строения. Благо, расстояние до них было приличное и совершенно не было ветра. Выстроившись в цепочку от ближайшего водопровода, мужчины и женщины передавали ведра с водой, которыми поливались стены ближайших домов. Пожарная машина из райцентра приехала, когда от жилища Кириной бабушки осталась рухнувшая крыша, подмявшая под себя обуглившиеся стены.

Для Игоря и Киры время остановилось. Все, что происходило после, Збруев не помнит. Как они с женой оказались в районной больнице, как приехал за ними отец, как проводилось расследование, все это, словно было не с ним. Все, как в тумане, отдельными отрывками мелькало в голове. Кира так и не смогла оправиться от пережитого кошмара, ее поместили в пси-

хиатрическую лечебницу. Сына уже без нее похоронили в деревне, рядом с Мариной Васильевной. Игорь запустил учебу. Он так и не сдал сессию и добровольно пришел в военкомат. Искал ли он в армии спасения, или, напротив, предстоящими трудностями армейской жизни хотел заглушить ту боль, которая не покидала его ни на минуту? Тогда он и сам этого не понимал, не мог понимать.

Отец остался один. Он писал сыну письма, в которых ни слова не было о Кире. Только перед самым возвращением Игоря Алексей Николаевич сообщил ему, что его жена выписалась из больницы. Она заходила попрощаться. Якобы, перед отъездом и просила ее не искать. Нельзя сказать, что эта новость обрадовала Збруева, но, прочитав письмо, он с облегчением выдохнул. Игорь боялся встречи, боялся смотреть в глаза жене, боялся воспоминаний, потому что виновником трагедии считал самого себя. Были моменты, когда он подумывал вообще не возвращаться в Екатеринбург, а остаться служить по контракту. Если бы не Алексей Николаевич, наверное, так все и было бы. В его письмах все чаще и чаще стали проскакивать слова: «Мне бы дождаться тебя, сынок». И он дождался. Збруев вернулся домой. Отец и сын встретили друг друга крепкими объятиями.

– Как ты изменился, Игорек. Я бы тебя на улице не сразу узнал. Ты еще подросток, что ли? Возмужал, – говорил счастливый Алексей Николаевич. – Проходи, чего тут стоять. Ты же дома, проходи, – суетился мужчина.

«И ты изменился, папа», – подумал Игорь, глядя на него. Ему стало жаль отца. За полтора года отсутствия сына, тот сильно постарел, исхудал, стал совсем седой. Не привычно и больно было смотреть, как Алексей Николаевич с трудом передвигал правую ногу, как сгорбилась его спина и как слегка подрагивали пальцы рук. В тот момент Збруев понял, что он не мог не вернуться домой, он не мог остаться в части и бросить отца. А тот, как будто, только и жил ожиданием сына. Через неделю после встречи Алексей Николаевич совсем слег. Он умер во сне. Наутро, когда Игорь зашел к нему в спальную, скорую помощь вызывать было уже поздно. Збруев остался совсем один. Что будет делать дальше, он еще не знал, но точно знал, что нужно жить.

«Десять лет. Кошмар, десять лет. Время летит», – думал Игорь, лежа на казенной кровати. Сейчас уже нет той боли, того ощущения безнадежности. Прожитые годы притупили чувство вины, вины, которую все это время он пытался искупить. Тогда, после смерти отца, Збруев нашел для себя единственный выход, он пошел служить в районную пожарную часть.

Высокий, крепкий, с хорошо сложенной фигурой, не качка, но мужчины, мышцы которого знакомы с гантелями, Збруев не оставил равнодушной ни одну из представительниц прекрасного пола кадровой службы МЧС.

– Такие молодцы нам нужны, – произнесла тогда самая старшая из присутствующих женщин в небольшом кабинете, куда его отправил дежурный.

Прапорщица оценивающе осмотрела его с ног до головы, даже не пытаясь скрывать этого. Ее взгляд снизу доверху прошелся по потенциальному сослуживцу.

Сильные загорелые руки с большими мужскими ладонями, короткая армейская стрижка, загорелое лицо с серыми глазами, далеко не маленький, прямой нос, волевой подбородок, все это мгновенно отсканировал опытный взгляд женщины кадровика. Трудно было не заметить, что стоящий перед ней молодой мужчина соответствовал ее вкусу.

– Служить значит хотите? – спросила она, закончив свое визуальное тестирование. – Что ж, вот вам список необходимых документов и направление на медкомиссию.

Еще раз, взглянув на военный билет, прапорщица вернула его Игорю.

С тех пор прошло почти восемь лет. За эти годы Збруев ни разу не пожалел о своем решении. Служба была нелегкой, опасной, но, именно это и устраивало мужчину. На службе

он забывал о своей трагедии. Игорь, не задумываясь, лез в самое пекло, вытаскивая людей из огня. Было ли ему страшно? Конечно, да. Первый страх Збруев пережил еще на прохождении файер-теста при проведении психологического отбора. Не все выдерживают это испытание в тепло-дымовой камере, но он справился. Справился, потому что, перед его глазами был сын. Представляя, на сколько, было страшно ему, ребенку, какой ужас испытал Владик, находясь в полыхающем доме, Игорь тогда просто забил на свой страх.

Служба помогла ему вернуться к жизни, пусть не сразу, но помогла. И эта жизнь стала налаживаться. Игорь даже решил на второй брак. Через месяц должно состояться его бракосочетание с девушкой по имени Аня. С ней он познакомился год назад. Семен Ермаков, его сослуживец и друг отмечал свой День рождения. К их шумной компании Аня Орлова присоединилась, когда торжество уже было в полном разгаре. Збруев сам открыл ей дверь. Он в этот момент собирался выйти на лестничную площадку покурить. Анна не успела даже нажать на кнопку звонка, как дверь распахнулась.

– Ой, – произнесла она от неожиданности.

– Здравствуйте, – не растерялся уже захмелевший Игорь. – Откуда такая красота в нашем расположении?

– Здравствуйте.

– Вы к нам?

– Надеюсь, что, да. А где Семен?

– Семен за столом, празднует свой День рождения, знаете ли.

– Знаю. Я, собственно, и пришла его поздравить.

– А, вы, кто ему будете?

Девушка не успела ответить, на площадку вышел Ермаков.

– Анька! Ну, наконец-то. Я уже думал, не придешь.

– Извини, задержалась.

– Познакомься, это мой друг, Игорь. А это Аня, Аннушка.

– Очень приятно, – произнес Збруев.

– И мне, – ответила, улыбаясь, Анна.

– Пошли за стол, что тут торчать, – Семен потянул гостью в квартиру. – Игореха, идем!

– Вы идите, я сейчас, – ответил тот.

Когда дверь закрылась, Игорь прикурил сигарету. «Вот это штучка!» – подумал он. Аня как-то не вписывалась в их компанию. Она показалась Збруеву девушкой из другого мира. Нет, не стильная одежда, говорящая о том, что девушка одевается не в ширпотребовских магазинах, не со вкусом подобранные украшения, не это ее отличало, что-то другое. Да и в тот момент мужчина не оценивал достоинства ее упаковки, он, для начала, был просто шокирован самим появлением этой красавицы. На фоне обшарпанных стен подъезда, девушка казалась каким-то светлым нереальным явлением. Ее простенькое, на первый взгляд, платье легко струилось, красиво облекая фигуру. Тоненькая цепочка из белого металла с подвеской, украшенной топазами, шикарно смотрелась на загорелом теле. Сережки, с такими же камнями, переливались на свету множеством оттенков от зеленовато-синего до голубого. Они придавали глазам девушки какую-то неземную, небесную синь. Густые ресницы, красиво загибаясь, притягивали взгляд к этой бездонной синеве. Анна уже давно скрылась за дверью, а шлейф холодной свежести ее духов продолжал витать в воздухе. Казалось, что в это, прокуренное пространство лестничной клетки этот запах попал случайно. Он был приятен и манил за собой. Збруев, сделав несколько глубоких затяжек, поспешил вернуться к компании.

В тот вечер Игорь боялся, что девушка исчезнет так же неожиданно, как и появилась здесь. Он не спускал с нее взгляд, приглашал танцевать, старался быть в постоянном контакте. Но, не смотря на все его усилия, гостя ушла, не попрощавшись, оставив Збруева с ощущением ложного предвкушения и непониманием того, как и когда он смог упустить ее из вида.

Сейчас, вспоминая это, Игорь улыбнулся. И было от чего, он добился своего, он любит, любим и счастлив, и скоро он женится на той, что год назад казалась недосыгаемой и неприступной штучкой, девушкой из другого мира.

– Черт! – вдруг, вслух произнес Збруев.

«Черт, я же обещал Аннушке завтра поехать к ее друзьям на дачу», – вспомнил мужчина. Но, он не мог отказать Кире. Не мог, потому что, не мог. Он должен поехать с ней, должен, и все тут. Анна не знает подробностей той его жизни, и не должна знать, так считал до сих пор Игорь. Это его личное. Это его горе, личное горе. Его личная трагедия, которую он пережил, и которую не собирается втаскивать в их с Аней жизнь. Только он вспомнил о ней, как в кармане опять задрезжал мобильник.

– Я слушаю тебя, Аннушка, – произнес мужчина, увидев, кто звонит.

– Привет, Игореша.

– Привет.

– Ты не забыл, завтра мы едем к Щукиным?

– Нет, не забыл. Только, понимаешь, у меня не получится. Но...

– Что, но? Ты опять кого-то подменяешь?

– Да, – соврал Игорь.

– Но, ты же обещал. Как же так? Почему не позвонил? Я же все планирую, Игорь. Ну, почему? Скажи мне, почему опять работа?

– Я хотел позвонить. Только сейчас хотел, но ты опередила. Аня, ну так получилось. Я...

Анна уже не слушала его, она отключила трубку. Мужчина тут же сделал несколько попыток дозвониться обиженной девушке. Равнодушные слова: «Телефон абонента выключен, или находится вне зоны действия сети», говорили о том, что его оправдания никому не интересны и не нужны. «Что ж так все не вовремя! Просто ужасно не вовремя! Какого черта, нарисовалась Кира! Я и без нее все помню. Столько лет не показывалась, что сейчас ей надо? Что она хочет?» – думал Збруев, покидая спальное помещение. Он шел в курилку, ругая самого себя за все, что сделал и сделал не так, и одновременно выдавал себе авансы самокритики за то, что еще только собирался сделать.

Ночь дежурства прошла без единого вызова. Возвращаясь домой, Игорь уже не сомневался, он встретится с Кирой. Да, это не во время, но это необходимо, необходимо им обоим. Сколько можно бегать от прошлого? А именно это он и делал все эти годы, стараясь не думать, стараясь не вспоминать, стараясь забыть тот страшный день. Кира имеет право высказать ему то, что все эти годы держала в себе, и одна, без его поддержки, справлялась с их общим горем. По крайней мере, она, эта встреча, даст возможность поставить точку в бесконечных самообвинениях обоих. Игорь не пытался представить, как поведет себя бывшая жена. Он не подбирал подходящих слов для разговора, он понимал, что в этом случае любой заранее подготовленный сценарий будет очередной ложью и попыткой оправдать самого себя. «Пусть будет все так, как будет», – решил мужчина. А Анне он все объяснит, он расскажет ей правду. К чему нужен этот скелет в шкафу их семейной жизни, который рано или поздно вывалится наружу, и выберет для этого самый неподходящий момент.

Вернувшись к себе домой, Збруев не стал больше звонить Анне. Потом, все потом, решил он. Мужчина, побродив по квартире, зашел в ванную и залез под душ. Он простоял под водой достаточно долго, пока не почувствовал, что внутреннее напряжение и волнение стали стихать. Обмотав полотенце вокруг себя, Збруев посмотрел в зеркало, и тут же, взял в руки станок. Сбрив проросшую за сутки щетину, он еще раз критически осмотрел свое лицо, после чего провел пальцами по короткому ежику волос.

– Пойдет, – сказал вслух мужчина и вышел из ванной.

Не задумываясь, он направился к холодильнику, достал недопитую когда-то бутылку водки и вылил ее содержимое в кружку, стоящую на столе. Залпом, осушив посудину, Игорь

подцепил пальцами печенюшку из вазы и глубоко вдохнул ее запах. Он не стал закусывать, а вернул печенюшку на место. Вместо закуски мужчина достал сигарету, и, прикурив, глубоко затянулся. Никотин и алкоголь не заставили долго ждать, и Збруев очень скоро почувствовал приятное расслабление.

– Спать, спать и спать. У тебя еще есть время, – сказал он себе и отправился в спальню.

Так и не снимая полотенца, мужчина упал на кровать, и, накинув на себя покрывало, вскоре заснул.

Игорь спал крепко и не слышал мобильник, который дребезжал в кармане форменной куртки. Его разбудил звонок в дверь. Открыв глаза, он какое-то время ничего не понимал и соображал, кто же может так упорно давить на звонок. А тот не смолкал, и Збруеву ничего не осталось, как встать и впустить настырного гостя. Не глядя в глазок, он открыл дверь.

– Ты не брал трубку, – без всяких приветствий начала женщина, стоящая на пороге.

– Кира? – ошарашенный Збруев попятился. – Кира? А сколько времени?

– Может, разрешишь войти?

– Да, конечно, проходи. Я, кажется, проспал. Извини, – оправдывался мужчина.

– Вижу. Давай, собирайся, я подожду, – Кира прохаживалась по коридору, окидывая взглядом стены. – Ничего, что я без разрешения? – спросила она, пройдя на кухню и усаживаясь за стол.

– Ничего, располагайся. Я сейчас, – Збруев поспешил одеться.

– А у тебя уютно. Стало лучше, чем тогда, – она не договорила когда, в этом не было смысла.

– Да. Ремонт недавно сделал. Чай будешь? Или ты кофе любишь?

– Ты иди, умывайся, одевайся, собирайся, а я тут похозяйничаю сама. Ты же не против?

– Нет, – Игорь скрылся в ближайшей комнате и вышел оттуда уже в джинсах.

Держа в руках футболку, мужчина прошел в ванную. Когда он оттуда вышел, Кира уже приготовила кофе и достала из холодильника колбасу и сыр.

– Перекуси, и поехали.

– Да я только кофейку.

– Как хочешь, – женщина убрала продукты обратно в холодильник. – Что ты так смотришь на меня? Изменилась? Постарела?

– Нет, – соврал Збруев.

На самом же деле, мужчина был в шоке. Что стало с той Кирой, которую он когда-то знал, когда-то любил! От той юной, хрупкой девушки не осталось ничего. Перед ним сидела постаревшая женщина. Ее расплывшаяся фигура не была безобразной, но, впившиеся в тело джинсы и обтягивающая майка только портили ее, выпячивая на показ накопленные излишки. Окрашенные в каштановый цвет волосы обросли, обнажив родной оттенок с проблесками седины. Неухаженные руки давно забыли, что такое маникюр. А лицо, не балуемое кремами, было сероватого оттенка. Помада красного цвета казалась нелепым пятном и только подчеркивала образовавшиеся вокруг рта морщины. От той Киры остались только глаза, и то, они глубоко ввалились и уже не казались большими.

– Не ври, я же знаю, что ты сейчас думаешь. Где та Кира, которую я любил? Я же вижу. Ну, да мне плевать, что ты там думаешь. Зато ты, молодец, красавец. Я рада, что у тебя все хорошо.

– Кира и у тебя... – начал было Збруев.

– Так, – перебила его женщина. – Не будем обо мне и о том, что будет, что может быть. И вообще, нам пора, – Кира поднялась. – Ты поторопись, а я в машине подожду.

Игорь не задерживал ее. Когда дверь закрылась, он, не ощущая вкуса, большими глотками выпил кофе, зачем-то прошелся по квартире, одел обувь, и встал у дверей. Какое-то

непонятное щемящее чувство появилось у него в душе. Игорь прямо в кроссовках вернулся на кухню и присел на стул, словно перед дальней и долгой дорогой.

– Пора, – произнес он вслух и пошел к выходу.

Выйдя из подъезда, мужчина поискал глазами Киру. Среди припаркованных машин у дома стояла красного цвета девятка. Увидев за рулем бывшую супругу, он направился к ней.

– Ну, что, поехали? – сказала та, когда Игорь устроился на переднем сидении.

– Поехали.

Красная девятка выехала со двора, и, покинув город, направилась в сторону Челябинска. В ее салоне стояла тишина.

Глава вторая

День подходил к концу. Солнце, сползая на запад, уже не обжигало своими лучами. Но, разогретый за день асфальт, создавал эффект сауны, от чего и без того жаркий воздух не спешил остывать.

– Вадим, что говорят синоптики? Когда закончится эта жара? – спросила сидящая в парикмахерском кресле женщина.

– Жара? Жара закончится, обязательно закончится, – ответил мужчина, укладывающий пряди ее волос.

Через минуту он отошел в сторону и оценил свою работу.

– Ну, вот, пожалуй, все. Вы готовы взглянуть на себя?

– Да, – ответила женщина и сама развернула кресло к находящемуся за ее спиной большому зеркалу.

– Вадим, вы волшебник! Вы просто волшебник! – повторяла довольная работой мастера клиентка. – Вам бы не здесь. Вам бы в Москву. Вы же просто чудеса творите, – не унималась она.

– Что вы, Женечка, в столице и без меня цирюльников хватает.

– Цирюльников, скажете тоже. Цирюльник, не звучит, совсем не звучит.

– А как, по вашему, звучит?

– Стилист. Как же еще.

– Стилист это...., – мужчина не договорил.

– Вадим Викторович, возьмите трубочку, – прервала его вошедшая с телефоном в руках девушка.

– Простите, – извинился перед клиенткой Вадим и вышел за дверь. – Я сейчас занят, – недовольно буркнул он в трубку и отключил телефон. – Спасибо, Верочка, – поблагодарил мужчина свою помощницу.

– Не за что.

– Верочка, рассчитай госпожу Кирьянову. Скажи, что у меня важный разговор. Что-то мне не очень хорошо, я пойду к себе. Жара, эта проклятая жара.

– Хорошо, Вадим Викторович, не беспокойтесь, я все сделаю.

Мужчина прошел в свой небольшой кабинет и упал в кресло. Ему действительно было плохо. По телу проходил озноб, на лбу выступили капельки пота, а к горлу подкатывала тошнота. Только жара здесь была не причем. В салоне работали кондиционеры, и во всем помещении ощущалась приятная прохлада. Причина была в нем самом, вернее в том, что с ним происходило. Мужчина не мог точно сказать, когда впервые почувствовал эти странные перемены в самом себе. Да и как тут поймешь, если вся его жизнь сплошное непонимание.

Парикмахерский салон «Мирабель» Вадим Викторович Кныш открыл два года назад. Наверное, он всю жизнь занимался чем-то подобным. Так утверждает его жена Лариса. Приходится ей верить, так как после несчастного случая, произошедшего перед самым отъездом в Екатеринбург, в его памяти не осталось ни одного воспоминания из прошлого. Мужчина не помнил ничего, вся его биография озвучена женой. Не может же эта женщина, отдавшая столько сил, потратившая столько средств на его возвращение к жизни, ему врать. Да, он не помнил и ее саму, не помнил, что вообще был женат. Но, это все последствия тяжелых травм, пережитой комы. Так утверждают врачи, и у него не было никаких оснований им не доверять. Не успев встать на ноги, Кныш, вдруг захотел сам заняться прической жены. У него получилось, что немало поразило и Ларису и его самого. Постепенно в их загородном доме появилось все, что требуется парикмахеру. Первыми клиентками стали приятельницы жены. А уже через месяц Лариса предложила Вадиму открыть свой салон.

– Я не могу, – запротивился сначала мужчина. – Как я с такой внешностью буду работать в салоне? Одно дело здесь, дома, а на обзор всего города, это не для меня.

– Ты ничего не понимаешь, Вадик. Причем здесь внешность. Даже наоборот, твоя внешность сыграет хорошую роль. Она только поможет тебе. Ты преодолеешь в себе страх, ты снова будешь ощущать себя полноценным членом общества. Сколько можно сидеть взаперти и скрываться от посторонних глаз. Ты же не девушка на выданье. Мужчина привлекает не красотой. Ты, не урод, и твоя внешность пугает только тебя.

Были ли эти слова сказаны искренне, теперь уже не имеет значения. Благодаря Ларисе дело закрутилось. Слух о талантливом парикмахере с экстравагантной внешностью, творящем чудеса с женскими волосами, очень быстро распространился по Екатеринбургу. Все благодаря жене и ее подругам. Лариса с радостью взяла на себя финансовую сторону этого предприятия. Она же отвечала за своевременные поставки необходимого для работы оборудования, косметических средств и всех мелочей, входящих в набор современного парикмахера. Прейскурант цен на услуги так же установила жена. Кныш не был согласен с ним, но мнение супруги не оспаривал. Втайне от нее Вадим делал скидки для избранных, и очень приличные скидки.

У салона «Мирабель» появились постоянные клиентки, список которых разряжали те, кто мог лишь раз позволить себе любимой такое дорогое удовольствие. И это действительно удовольствие. Удовольствие и восторг от того преображения, не только внешнего, но и внутреннего, которое происходило с каждой посетительницей. Удовольствие от того душевного подъема, появляющегося после общения с хозяином этих умелых рук, которые так виртуозно работали ножницами. Неопишуемые ощущения испытала каждая во время процедуры оздоровления волос. Когда Кныш касался своими пальцами кожи головы, нанося лечебные маски, посетительницам казалось, что они отключаются от мира. Все дурные мысли, проблемы, терзающие душу, уходили далеко. Наступало полное успокоение. Эти ощущения сравнимы с качественным релаксирующим массажем, после которого клиентки, словно заново рождались. Все были в восторге. Никто никогда не задумывался, а что же испытывал при этом сам Кныш.

Поначалу все было нормально. Вадиму нравилось то, чем он занимается. Мужчина постепенно привык к тому, как реагируют на его внешность при первой встрече. Лицо, изуродованное ожогами, отсутствие бровей, следы пересаженной кожи на руках, шее, все это шокировало женщин. Но, уже минут через десять никто не замечал этого пугающего уродства.

– Вадим Викторович, как вам удалось сохранить такие шикарные волосы? – это был единственный вопрос, который задавали клиентки по поводу его внешности.

– Вы забываете, я же парикмахер, – всякий раз отвечал он.

Хотя, его заслуги в этом не было. Это был результат работы чудо-врачей, к которым он попал на лечение после комы. Опять же, благодаря жене, его поместили в ту закрытую клинику под Екатеринбургом. Ее название состояло из четырех букв СТПХ, что, по словам Ларисы, расшифровывалось как Современные Технологии Пластической Хирургии. Странно, но, ни в одном городском справочнике найти эту клинику Кнышу так и не удалось. Мужчина не раз задумывался над тем, что это название, всего лишь ширма, прикрывающая какой-то исследовательский центр, проводящий эксперименты, цель которых не ограничивается коррекцией внешности подобных ему жертв. Но, по совету жены. Он не пытался вникать в то, что ему знать не положено.

– Тебя вернули с того света, тебе восстановили человеческий вид. Да, не идеальный, но это пока что лучшее, что могли с тобой сделать. Если б ты видел, каким обгоревшим куском мяса ты был, ты бы по достоинству оценил работу хирургов. Ты должен быть благодарен Геннадию Дмитриевичу, за то, что он согласился поместить тебя в своей клинике. Так что, забудь про свои дурацкие вопросы и не суй свой нос туда, куда не положено, – сказала однажды Лариса.

И Кныш забыл. Гораздо важнее для него было вспомнить свою жизнь до того ужасного взрыва. Очень долго мужчина не мог воспринимать Ларису, как жену.

– Вы поймите, я не знаю вас. Я не помню вас, – говорил он, когда та приходила его навещать.

– Ничего страшного. Такое бывает. Это пройдет, – убеждала его супруга.

Она рассказывала Вадиму истории из их жизни, пытаясь расшевелить его память. Правда, так и не показала ни одной фотографии, свидетельствующей об их семейном счастье. Объяснялось все очень просто. При переезде из Миаса в Екатеринбург несколько коробок с вещами были утеряны транспортной компанией. Ей, Ларисе, в то время было не до такой никчемной проблемы. Ей нужно было спасти мужа, обгоревшего при взрыве газа в садовом домике его друга. Тогда, по ее словам, Кныш сам поехал к Сергею попрощаться. Напрощались хорошо, так что заснули пьяные в домике и не заметили утечку в газовом баллоне. Мужские посиделки закончились взрывом. Друг погиб, а Вадима чудом удалось спасти. Благодаря связям жены, его смогли доставить в ожоговый центр Екатеринбурга.

– Мне было не до поиска фотографий, не до выяснения отношений с транспортной компанией. Вообще, разве это сейчас имеет значение. Главное, что ты жив, – говорила Лариса. – И очень своевременно мы купили дом. Я рада, что уговорила тогда тебя на этот переезд. У нас теперь новая жизнь, новые друзья, и ни к чему вспоминать, то, что было.

«Наверное, она права», – подумал Игорь. Постепенно он привык к присутствию Ларисы и заставил себя поверить в свое туманное прошлое. С каждым днем мужчина чувствовал себя лучше и лучше. Привыкая к своему внешнему уродству, он первое время часто смотрелся в зеркало. Однажды Кныш заметил, что на его обожженной голове стали прорастать волосы.

– Я говорила тебе, Геннадий Дмитриевич волшебник, он использует новейший метод по восстановлению роста волос, – радовалась жена.

Да и сам Вадим был рад этому. Отрастающая шевелюра скроет жуткие следы ожогов. Конечно, эта новость обрадовала и доктора Савина, даже, пожалуй, больше, чем самого Кныша.

– Раз в месяц будете приезжать ко мне на осмотр, – сказал он при очередном визите того в клинику.

Поездки к Савину напрягали Вадима, но отказаться от них он пока не решался. Всякий раз после осмотра и обследования у мужчины были неприятные ощущения, как будто, в его голове тщательно покопались. Какие манипуляции проводились докторами, Кныш не знал. Его помещали в стеклянную капсулу, похожую на барокамеру, в которой он очень скоро засыпал. А когда приходил в себя, то уже лежал в отдельной палате. Рядом, как всегда, сидела Лариса.

– Ну, вот, очнулся. Все хорошо. Мы можем ехать домой, – говорила она.

Не любил Вадим эти поездки, не любил. Поэтому, на вопросы доктора о самочувствии всегда отвечал:

– Все хорошо, доктор. Ничего не беспокоит. Я здоров и полон сил.

На самом же деле, Кныш давно стал замечать странные перемены в своем организме. Первый раз это случилось до открытия салона. В тот день мужчина занимался прической одной из приятельниц Ларисы. Прикасаясь к ее волосам, он, вдруг, перестал ее слышать и видеть. Его пальцы в этот момент массажировали голову женщины, а перед глазами, которые хотелось закрыть, стали мелькать отдельные картинки. Непонятные, не связанные между собой, они напугали Вадима. Он отдернул руки и через минуту пришел в себя. Приятельница жены в это время сидела с закрытыми глазами и улыбалась.

– Вадим, кто научил вас такому массажу? – спросила она, когда очнулась. – Вы не представляете, какую легкость я сейчас чувствую.

Она еще долго что-то лепетала, но Кныш не слушал. Он пытался понять, что же это было. О таких странных переменах в себе мужчина не стал говорить жене. Зачем, она итак знает о нем больше, чем он сам. Постепенно Кныш перестал бояться своих новых ощущений.

Он понял, что обрел способность ясновидения. Такое бывает, человек, переживший клиническую смерть, возвращается в этот мир другим. Принимать ли случившееся за божий дар, или, напротив, никогда не пытаться использовать его, мужчина не знал. Он решил оставить все, как есть и никому ничего не говорить.

– Об этом будем знать только мы с тобой, – сказал он своему отражению в зеркале. – Просто понаблюдаем со стороны, – продолжил Кныш, улыбаясь.

«Понаблюдать со стороны», эта фраза звучала странновато. Но, она вполне подходила в данной ситуации. Ведь Вадиму действительно было интересно, на что он теперь еще способен, и какой еще сюрприз может преподнести его организм.

Поначалу все казалось интересным. Кныш запросто мог узнать о своих посетительницах все, стоило ему только задать себе вопрос и коснуться головы клиентки. Делал он это не всегда и не со всеми, потому что, достаточно быстро понял, каковы последствия таких сеансов просмотра чужой жизни. После них, к концу дня ему становилось плохо, начинало знобить и потрясывало все тело. Чужая энергетика будоражила организм, и от нее нужно было избавляться. Не сразу, но Вадим научился очищаться от того негатива, который успел нацеплять в контакте с клиентками. Свои действия мужчина оправдывал тем, что пользы от них было больше, чем вреда. Все были в восторге от его массажа, чувствовали себя помолодевшими и заново родившимися. Да, и разве плохо, вовремя подкинуть нужную информацию своим посетительницам, которые нуждались в помощи. Находясь с ними в контакте, Кныш вводил их в транс во время массажа головы. Выйдя из него, женщины, вдруг, понимали, что нашли решение своей проблемы, и нашли сами.

Казалось, все замечательно. Вадим любит дело, которым занимается, оно приносит ему удовольствие. С ним живет красивая женщина, которую он, пусть не полюбил, но, по крайней мере, стал воспринимать, как жену. Мужчина уже не обращал внимания на странности в поведении Ларисы. Удивительно, но, сколько бы Кныш не пытался заглянуть в жизнь супруги с другой стороны и по глубже, так, как это он проделывал с другими, у него ничего не получалось. Мужчина не видел ничего, зато последствия этих попыток были очень болезненны. Страшные головные боли после таких контактов не проходили в течение нескольких суток. Вот и сегодня Вадим был абсолютно разбит. Голова разрывалась, дрожали руки, тело покрывалось холодным потом. А все потому, что вчера, после его отказа поехать на очередной осмотр к Савину, Лариса закатила скандал. Кныш, пытаясь ее успокоить, усадил женщину в кресло и стал гладить по волосам. Она не сопротивлялась, и, даже, как-то притихла. Вадим не удержался и снова сделал попытку покопаться в ее мозгах. Ничего. Абсолютно ничего не получалось, словно кто-то закрыл доступ. А Лариса заснула, только и всего. Вечером они больше не ругались и разошлись по своим комнатам. Кнышу опять стало плохо, так плохо, что он отменил назначенные на завтра визиты клиенток. Все, кроме одного. Госпоже Кирьяновой отказать было нельзя, слишком большим человеком был ее муж в Екатеринбурге. Сегодня Кирьянова устраивала прием по поводу ее тридцати пятилетия. Вадим назначил ей на пять часов, а сам приехал сразу после обеда. Он сбежал от Ларисы, которая, все же, намеревалась поехать с ним к Савину. В прохладе и тишине салона мужчине стало немного легче, и он был готов заняться Кирьяновой. Верочка, его помощница, мужественно держала оборону у телефона, отвечая жене, что Вадим Викторович занят. Но, и она сдалась и принесла трубку Кнышу, когда он уже закончил с Евгенией Георгиевной. Госпожа Кирьянова была очень тяжелым человеком, она забрала у мужчины последние силы. Как Вадим не пытался, оградить себя от ее негативной энергетике, все же получил приличную дозу. Сейчас мужчина сидел в своем кабинете абсолютно измученный, выжатый, как лимон. Он впервые пожалел об обретенных способностях. Возвращаться домой ему совершенно не хотелось.

– Верочка, – позвал он помощницу.

– Да, Вадим Викторович, – девушка вошла в кабинет.

– Верочка, ты можешь идти. На сегодня все.

– Спасибо. Может, вас довезти до дома?

– Нет, не нужно.

– Что-то вы совсем плохо выглядите. Как вы сядете за руль? Оставьте машину на стоянке, я вас довезу.

– Спасибо за заботу, Верочка, я сам.

– Ну, тогда, до свидания.

– До свидания.

Кныш остался один. Лишь после полуночи, когда силы стали потихоньку возвращаться. Вадим поехал домой.

«Какого черта! Упрямый осел!» – подумала Лариса, когда ее муж рывкнул в трубку, что занят и отключил телефон. Она понимала, что Савин будет недоволен. Но, как уговорить Вадима, съездить к нему в клинику? Он ничего не хочет слышать. Не тащить же его силой. Это обязательно приведет к скандалу и у супруга снова возникнут подозрения и вопросы, на которые она не может дать ответа. Женщина прекрасно помнит, с каким трудом ей удалось убедить мужа отбросить все свои догадки и не пытаться разузнать о клинике Геннадия Дмитриевича больше, чем ему дозволено знать, как пациенту. Лариса и так до сих пор не уверена, считает ли Вадим на самом деле их семью, и все, что с ней связано реально существовавшей и существующей сейчас.

– Все под контролем. Мы полностью контролируем его сознание, – говорил Савин на очередном осмотре. – Все идет, как надо. Есть, конечно, кое-какие отклонения, но это нормально, это же эксперимент. Своевременная корректировка, вот что нам нужно.

«Своевременная корректировка», – мысленно повторила сейчас его слова женщина.

– Тебе легко говорить. Попробуй сам побыть на моем месте. Что, я его свяжу и насильно запишаю в машину? – уже вслух возмущалась Лариса.

Высказав все, что думала по этому поводу, она немного успокоилась и набрала номер Савина.

– Никакой паники, – заявил тот в конце ее оправданий. – Что ж, дай ему временную свободу. А мы найдем способ, и он сам захочет явиться к нам.

– Хорошо. А мне что делать?

– Тебе ничего. Сделай вид, что ничего не случилось. Будь женой в конце концов. Будь хорошей, любящей женой. – Савин положил трубку.

– Даже до свидания не сказал, – возмутилась женщина и отключила мобильник. – Достал ты меня уже! Как же мне все это надоело! Боже, как же меня все достало! Все.

Швырнув телефон в кресло, Лариса вышла из гостиной. Она прошла по дому и направилась к бассейну. Постояв минуту на его краю, женщина скинула с себя всю одежду и прыгнула в воду. Несколько кругов она проплыла с большой скоростью, после чего успокоилась и перевернулась на спину. Вода приятно охлаждала тело. Злость и раздражение прошли. Лариса подплыла к ступенькам, выложенным плиткой, и вышла из бассейна. Ей было абсолютно плевать на то, увидит ли ее прислуга в этой ее нескрываемой нагой красоте. Не спеша, натянув на мокрое тело свободные домашние брюки и топик, она пошла в дом, держа в руках нижнее белье. Женщина поднялась по лестнице на второй этаж и прошла через спальную к ванной. Обсушив себя полотенцем, Лариса облачилась в сухую одежду и легла на кровать.

«Потерпи, потерпи немного. Скоро все закончится. Только представь, что еще какой-то год, и ты на берегу Средиземного моря, богатая, свободная и счастливая. А Савин, что Савин, он меня никогда не любил. Пусть идет к черту! Только потерпи и все будет», – уговаривала себя женщина.

Кто бы мог подумать пять лет назад, что знакомство с Савиным закончится вот этой сомнительной сделкой. Банальная история девушки из провинции, махнувшей в Москву в поисках другой жизни. Тогда в свои двадцать пять лет она отправилась на кастинг одного из шоу, в надежде найти свое счастье в популярном в то время проекте. Анжела Кислицина – это ее настоящее имя. Чуда не случилось, Анжела не прошла отбор. Двадцать пять оказалось многовато для организаторов, и, намекнув на возраст, те отказали. Возвращаться домой девушка и не думала. Своим спивающимся родителям она была не нужна. Наверняка, те после ее отъезда, тут же забыли о существовании дочери. Деньги, которые Анжела сумела накопить, работая в родной Тюмени, таяли на глазах. Вдвоем с такой же потерпевшей провал, двадцати двух летней Катериной из Нягани, они снимали комнатку на окраине Москвы. Общая неудача их сблизила, и девушки стали подругами. Именно Катерина нашла где-то в интернете информацию о том, что набираются люди, согласные участвовать в испытании какого-то нового косметического средства. Добровольцам было обещано неплохое вознаграждение, а возраст значения не имел.

– Ты как хочешь, а я звоню и соглашаюсь, – сказала Катерина.

– Я тоже. Выбор у меня не велик, или домой, в глушь, или заработать денег и задержаться здесь. А там, там посмотрим, может еще и удача улыбнется.

Компания, проводившая исследования находилась далеко за пределами Москвы. Потратив последние деньги, Анжела с подругой добрались до места. Они сразу нашли современное пятиэтажное здание, в котором находился офис, зазывающей к себе компании под названием «Гелиос». Странно, но таких, как они, оказалось немного. Скорее всего, те, опередившие их добровольцы, были в таком же шатком положении в негостеприимной столице. Катерина быстро вошла в контакт почти со всеми, кто присутствовал в холле первого этажа. Уже через двадцать минут она рассказала Анжеле все, что удалось узнать.

– Говорят, что на нас будут испытывать какое-то средство для роста волос. Какое, я так и не поняла, но это не важно. Главное, все это время мы на полном содержании, а в конце еще и получим по тридцать штук. По московским меркам это гроши, но для нас с тобой неплохой заработок. Так что, давай анкету, я пойду, отдам.

Анжела протянула заполненные листы.

– Я сейчас, – сказала подруга и пошла к менеджеру, раздавшему анкеты.

Уже через тридцать минут всю группу из двадцати человек разделили пополам. Все тот же молодой человек, что встретил их у входа, выкрикивая по списку фамилии собравшихся, приглашал пройти дальше. Одних он отправлял в комнату за дверями слева, других просил пройти прямо по коридору. Анжела ждала свою фамилию, но ее так и не назвали.

– А я? – спросила девушка менеджера.

– А вы, вы пройдите за мной.

Молодой человек провел ее к лифту и вместе с ней поднялся на четвертый этаж. «Интересно, и что дальше? Меня что, опять не взяли»? – думала Анжела. Но, ее опасения оказались напрасными. Менеджер проводил девушку до дверей с номером четыреста шесть, открыл дверь и удалился.

– Добрый день, Анжела Сергеевна. Меня зовут Геннадий Дмитриевич, – поприветствовал девушку сидящий за столом мужчина.

– Здравствуйте. Я не совсем понимаю, я, что вам не подхожу?

– Не волнуйтесь. Подходите, еще как подходите. Именно для вас у меня есть работа гораздо интереснее, чем для остальных.

– Да?

– Да. Сейчас поедете со мной, по дороге я вам все объясню.

Так Анжела впервые увидела Савина. С Катериной с тех пор она больше не встретилась, да и, собственно совсем забыла о ней буквально в этот же день. Савин привез девушку в свою

московскую квартиру, по крайней мере, так было сказано им. В течение года Анжела жила с Геннадием под одной крышей. Ничего удивительного не было в том, что она влюбилась в него. Мужчина тридцати лет, блондин с голубыми глазами, высокий, со спортивной фигурой, как он мог не понравиться и не вскружить голову мечтающей о любви провинциалке. С ним было интересно, и не только во время, казавшимися тогда ничего не значащими, обследованиями ее головы. Эти процедуры забавляли девушку, она не понимала, для чего, облепив все ее тело от кончиков пальцев на ногах, до макушки, множеством датчиков с проводками, ей задавали кучу вопросов. Забавно было то, что на многие из этих вопросов она не знала ответ, но спустя минуту, находила его в своей голове. Беседы по вечерам, прогулки за город наедине с таким мужчиной очень скоро дали предсказуемый результат. Анжела влюбилась и уже не пыталась скрывать своих чувств. Савин же держал девушку на расстоянии, делая вид, что ничего не замечает.

– Анжела, между нами ничего не может быть, – сказал он, когда Кислицина, прижавшись к нему в лифте, вдруг, сама стала его целовать.

Мужчина прервал поцелуй и отстранил ее от себя.

– Ты пойми, между нами ничего не может быть. Я выполняю работу, работу, только и всего.

– Работу? – прошептала Анжела и отвернулась.

Молчание стояло до тех пор, пока они не вошли в квартиру.

– Работа! Конечно! Я совсем забыла, извини. В чем заключается моя работа? Что ты копаешься в моей голове? Что ты хочешь сделать из меня? Для чего и к чему ты меня готовишь? Это твое «живи и учись», это меня бесит, слышишь! Чему я учусь? Мне надоели эти твои тренинги, после которых я ничего не помню. Что ты хочешь? Что ты на самом деле хочешь?

– Успокойся. Что тебя не устраивает? Все идет хорошо. Ты живешь в столице, ты не отказываешь себе ни в чем. Ты заключила контракт, и каждый месяц на твой счет перечисляются деньги. Что тебя не устраивает? Ты знала, на что шла, ты все знала. Чего ты еще хочешь?

– Я? Любви хочу! Семью хочу! Знаешь что, забей себе в жопу свой контракт.

В тот вечер Савин сделал то, что сделал. Он подошел к девушке и стал ее целовать. Бурная ссора закончилась в спальне. Тогда Анжела поверила в искренность всех слов, которые шептал ей мужчина в минуты захлестнувшей страсти. Поверила, потому что Савин изменился, и ей казалось, что он дал волю чувствам, которые сам пытался скрывать. Девушка была счастлива и готова ради любимого на все. Она стала называть его Генри, мой Генри.

– Почему, Генри?

– Тебе разве не нравится? Ну не Геной же мне тебя называть. Гена совсем не подходит для тебя. Ты не Гена, ты Генри.

– Хорошо, это только когда мы наедине. А для всех и при всех, я Геннадий Дмитриевич.

– Конечно, конечно, Геннадий, конечно Дмитриевич.

Эта кажущаяся идиллия продолжалась до тех пор, пока Савин не поехал в Екатеринбург. Оказалось, что вся его основная работа проводится там, в закрытой клинике, финансируемой государством. СТПХ – Современные Технологии Пластической Хирургии, такое название имело это заведение. Для Анжелы станет это сюрпризом, так же как и, то, что у Геннадия имеется шикарный дом в пригороде Екатеринбурга. Но самым неожиданным и гадким станет то, что в этот дом он ее не привезет. Савин возьмет ее с собой и поселит в одной из гостиниц города. Это сейчас женщина понимает, что ее просто использовали тогда и используют сейчас. Геннадий не испытывал к ней ничего, он просто поддерживал пылающие в ней чувства. А их нужно было поддерживать, ведь любящая женщина сделает все для объекта своей любви. Сам же Савин готовился к самому важному для себя эксперименту. Он просто выжидал время, подыскивал подходящего кандидата для него. Мужчина не забывал про Анжелу, нет. Он периодически оставался у нее на ночь, выезжал с ней за город к своим друзьям, вернее, коллегам.

Геннадий знакомил ее с нужными для своей работы людьми. Два раза в неделю Савин привозил Анжелу в клинику, где та, полностью доверяя ему, не противилась никаким манипуляциям. Да, собственно, она и не помнила, что именно с ней делали. Никаких особых изменений в себе женщина не замечала, не ощущала никаких перемен, поэтому не задавала лишних вопросов. Она знала, ответ будет один: «Ничего, чтобы навредило тебе и твоему здоровью, я не сделаю. Наоборот, я сохраню твою молодость и избавлю от многих проблем, с которыми сталкивается большая часть представительниц прекрасного пола».

«Он никогда не женится на тебе. Никогда. Ему вообще кроме своей работы и своих исследований ничего не нужно», – все чаще и чаще думала Анжела. И надо было бы все бросить и бежать, бежать от него. А куда бежать? Что делать и на что жить? Ответов на эти вопросы не было. Зато был контракт, подписанный ею в Москве, по которому, в случае досрочного расторжения, она не получает ничего и остается на улице. Все эти мысли угнетали женщину все больше и больше. События, которые последовали дальше, уничтожили последние надежды по поводу взаимности чувств и обнажили истинное лицо доктора Савина.

– Анжела, пришло твое время. Тебе придется поработать, – сказал Геннадий, придя вечером в гостиничный номер.

– Что я должна делать?

– Ты должна выйти замуж.

– Замуж? Ты, что делаешь мне предложение, таким вот образом?

– Нет. Я тут не причем. Ты выйдешь замуж не за меня. Вернее, ты уже замужем.

– Не поняла.

– Вот, твои документы, ознакомься.– Савин протянул новенький паспорт и водительские права на чужое имя и фамилию.

– Лариса Геннадьевна Кныш, – прочитала вслух Анжела.– Что это значит? Почему, Лариса? А Геннадьевна? Это что, шутка такая?

– Нет, не шутка. Я тебе все объясню. Тебе придется стать на время Ларисой Кныш, и у тебя уже есть муж, Вадим Викторович Кныш.

– Что значит, есть? – Анжела пролистала страницы своего нового паспорта.

Увидев печать на странице семейного положения, она швырнула документ на пол.

– Ты, что, сошел с ума?! Что это?

– Это твой муж и ты должна привыкнуть к роли жены. Ты же так хотела семью.

– Да ты, ты...

– Не ищи слова, – перебил ее Савин. – Успокойся.

Мужчине с трудом удалось уговорить возмущенную женщину.

– В чем, собственно проблема? Что ты так разошлась? Всего, каких то, три года, и ты будешь свободна. Не забывай, от твоей работы зависит твой счет в банке. И потом, как знать, может быть, ты и полюбишь своего мужа.

– Как ты так можешь поступать со мной? Как? Ответь мне?

– Я изначально тебя предупреждал, что работа и только работа, ничего личного. Я не создан для семьи, пойми. В Москве ты согласилась на все сама, а ведь тогда у тебя был выбор. Он есть и сейчас.

Анжела какое-то время сидела, молча, как вкопанная, потом встала и открыла дверь.

– Пошел вон! Ты противен мне. Пошел вон!

Савин, оставив папку с документами и какими-то бумагами, пошел к выходу

– Два дня, я даю тебе два дня. Мой номер ты знаешь. Да, и не делай глупостей.

Анжела дала согласие через день. С тех пор она уже привыкла к своему новому имени, к своей роли жены, пострадавшего при пожаре мужчины. Теперь Лариса Кныш живет в доме, принадлежавшем когда-то Савину. Срок ее контракта скоро истечет, осталось чуть больше года. Она надеялась на то, что Савин выполнит все свои обещания, и по-прежнему выпол-

няла все, что от нее требовалось. До сих пор все шло гладко. Используя заготовленную Савиным легенду, женщина вживалась в новую роль и втаскивала за собой Вадима Кныша. Благо, тот ничего не помнил и узнавал о своей жизни ровно столько, сколько рассказывала Лариса. Постепенно мужчина выздоравливал. Где-то, в душе, женщина восхищалась тем, что Геннадий не только смог реанимировать обгоревший безжизненный кусок тела, но и привел его в человеческий вид, развил в нем способности, о которых тот даже не догадывался. Глядя на «мужа», Лариса говорила себе: «Ты дала этому человеку шанс жить, и жить не плохо. Так что успокойся! Твоя ложь оправдана, как и оправданы все твои поступки. В них не ничего плохого».

Легко ли давалась ей эта семейная жизнь? Поначалу, нет. Но, постепенно, женщина сама стала верить в реальность их совместного существования. Первый раз, когда созрела ситуация и нужно было выполнить свой супружеский долг, она долго готовилась, прежде чем лечь к «мужу» в постель и заняться с ним сексом. Но, и с этим Лариса справилась, тем более, что Вадим оказался хорошим любовником. Была ли это заслуга Савина, или это, то единственное, что осталось у мужчины своим, полученным от природы, все это значения не имело.

Со стороны их семья казалась идеальной. Лариса заботливая и любящая жена, делающая все для полного выздоровления и реабилитации мужа. Кныш, поверивший ей, казалось, избавился от всех сомнений и стал жить полной жизнью. Раз в месяц Лариса сопровождала его в клинику к Савину. Но, с каждым разом делать это стало сложнее. Вадим отказывался ехать, считая дальнейшие консультации и обследования лишними.

– Мне надоело быть объектом для исследований. Я не лабораторная крыса, за которой кто-то наблюдает, – сказал он ей вчера.

А сегодня, сегодня он просто сбежал и не брал трубку.

– Не лабораторная крыса, – произнесла Лариса, глядя в потолок.

Сейчас, вспомнив эти слова, женщина, вдруг подумала: «Это ты точно сказал „лабораторная крыса“. И я тоже, я тоже такая же лабораторная крыса».

– Но, ничего, ничего. Потерпи, осталось совсем чуть-чуть, – продолжила она вслух. – Потерпи, все будет хорошо, и, даже, лучше.

Верила ли женщина тому, что говорила? Скорее всего, нет. Но, она так глубоко завязла во всем происходящем, что других вариантов, кроме, как ждать и надеяться, у нее не было. В данный момент Ларисе нужно, хотя бы, дожидаться, когда Кныш вернется домой.

В дверях раздался тихий стук, а через минуту в проеме показалось лицо домработницы, Татьяны Федоровны.

– Лариса Геннадьевна, я испекла ваш любимый пирог. Не хотите ли чайку? – спросила она, мило улыбаясь.

– Спасибо, с удовольствием. Я сейчас приду, – ответила женщина. Лариса любила стряпню Татьяны Федоровны и сейчас не собиралась отказываться от нее. Ее организм без проблем справлялся с лишними калориями, и запрещать себе всяческие вкусности, женщина не видела смысла.

«Где он ее нашел»? – почему-то сейчас подумала она. Татьяна Федоровна не переставала удивлять свою хозяйку. Эта невысокая женщина без возраста, с неплохо сохранившейся фигурой, казалось, умела все. Она всегда и все успевала. На ней держался весь дом. Иногда Ларисе казалось, Татьяна Федоровна тоже прошла обработку в Савинской лаборатории. Иногда, глядя на эту женщину, она ей сочувствовала. Уж слишком маленьким был мир, в котором та жила. Он ограничивался этим домом, без друзей, развлечений и личной жизни. Татьяна Федоровна покидала эти стены и пределы двора лишь в те дни, когда ездила за покупками. Оплачивал ее труд сам Савин, и, похоже, достойно оплачивал, если для этих целей женщина использовала такси. Она всегда появлялась вовремя и своевременно исчезала с поля зрения своих хозяев. Такое невидимое присутствие очень устраивало Ларису. Татьяна Федоровна умела поддержать

разговор, если видела, что хозяйка расположена к беседе. Но, сама никогда не была ее инициатором и лишних вопросов не задавала. Не домработница, а подарок.

«Где он ее нашел? А, может, она вообще робот, созданный Савиным?» – подумала Лариса, когда за той закрылась дверь. «Нет, нет, конечно, нет. Но, то, что Савин покопался в ее мозгах – это, несомненно», – тут же, ответила себе женщина.

– Какое тебе, собственно, дело, – сказала она вслух и пошла пить чай.

Глава третья

Положив трубку, Савин сел в кресло. Какое-то время он так и сидел без движения, уставившись на дверь своего кабинета. «Пациент начал капризничать. Что ж, он имеет право», – подумал мужчина. Его больше беспокоило поведение Ларисы, чем Кныша. Нет, он не боялся, что та в один прекрасный момент все бросит и сбежит. Некуда ей пока бежать. Не ждет ее никто и нигде. А вот, если Лариса откроет глаза своему «мужу», и вместе с ним попытается что-нибудь предпринять, тогда будет сложнее, тогда может пострадать весь его труд. Хотя, есть выход и из этой ситуации.

«Вы оба – никто. Вас давно нет, как нет воспоминаний о вашей прошлой жизни. Ее для вас не было. Те жалкие остатки вашей памяти я соберу по частичкам, как нужно мне. Соберу, словно пазлы. Все ваше существо, это лишь обломки, никому, кроме меня, ненужные, обломки моего великого замысла», – думал Савин. Такие мысли его вдохновляли. Мужчина довольно улыбнулся и позвонил своему водителю, после чего покинул рабочий кабинет.

– Меня завтра не будет, – сказал он вахтеру, отдавая ключи. – Поставьте кабинет под охрану.

– Хорошо, Геннадий Дмитриевич. Всего вам доброго, до свидания.

– До свидания, – ответил Савин и вышел из здания.

Сегодняшний день пошел не по плану. Зато, есть возможность просто отдохнуть. Геннадий Дмитриевич подошел к подъехавшему автомобилю и сел в него.

– Отвези меня домой, – попросил он водителя.

Сейчас его домом была квартира в центре города, доставшаяся ему от родителей. Там был сделан грандиозный ремонт, и после перепланировки она выглядела ничуть не хуже современных квартир. Сегодняшний, не удачно сложившийся, день Савин хотел провести в одиночестве и тишине. Вернувшись из клиники, он устроился в своем любимом кресле и попытался расслабиться. Но, похоже, ему так и не дадут это сделать. В соседней комнате зазвонил мобильник. «Ну, что еще»? – подумал мужчина, взяв в руки телефон. Увидев на мониторе фамилию Лукьяненко, он не стал отвечать на звонок. Когда телефон наконец-то замолчал, Савин просто отключил его.

Сергей Лукьяненко, его бывший сокурсник. Когда-то они вместе учились в Медакадемии. Сейчас, пожалуй, дружкой их отношения не назовешь. А тогда, тогда Геннадий сам выбрал Сергея. Ему доставляло удовольствие взять под свое покровительство деревенского парня, приехавшего из глуши и растерявшегося в суе городской жизни. Лукьяненко проживал в общежитии и без поддержки родителей едва сводил концы с концами. Савин предложил ему поработать в лаборатории молекулярных медицинских технологий, которой руководил его отец, Дмитрий Иванович. Сам он постоянно пропадал в ее стенах, вместе с ним принимал участие в исследованиях, и, даже, выдал тому несколько ценных предложений. Обязанности Лукьяненко были куда проще и состояли из пробоподготовки биоматериала. Сергей, следуя каждому пункту полученной методики, выполнял свою работу, особо не задумываясь ни над целью исследования, ни над самим материалом. Он не понимал, что может привлекать его друга в такой непонятной для него генетике и собирался перевестись на другую кафедру.

Савин же, напротив, уже тогда пытался разобраться в еще неизученных областях этой науки. Особый интерес у Геннадия вызывали человеческие волосы. Он был уверен, что волосы играют огромную роль в нашей жизни. Это не просто украшение, данное нам природой. Это своего рода матрица, в которой хранится память их обладателя. Савин даже пытался обсуждать эту тему с Сергеем. Но, тот относился к рассуждениям друга с иронией, и считал его слова фантазией, больше смахивающей на бред. Возможно, такая реакция и обижала Геннадия,

но он не показывал вида. Слишком ограниченными казались ему размышления сокурсника. Лукьяненко довольствовался тем, что вообще смог поступить в Медакадемию, после окончания которой, станет врачом, найдет себе место в одной из больниц Екатеринбурга, и будет просто выполнять свою работу, согласно инструкциям и клятве Гиппократу. Сергей – добросовестный исполнитель, только и всего. Для Савина не было ничего удивительного, когда тот покинул кафедру медицинской биологии и генетики и решил стать реаниматологом. В этой сфере Лукьяненко казалось все понятнее и проще.

Не смотря ни на что, они продолжали дружить. А когда родители Савина перебрались в Москву, тот сам предложил Сергею переехать из общаги в его трехкомнатные хоромы. Друзья прожили вместе до защиты диплома, а потом их дороги разошлись. Геннадий уехал в столицу, где Дмитрий Иванович уже подготовил ему место в Научном центре молекулярных и клеточных технологий. Этот центр финансировала государство, а проводимые там исследования большей частью были засекречены. Савин включился в работу с радостью. Он так был захвачен рабочим азартом, что забывал обо всем. Находиться в своей лаборатории среди микроскопов, спектрографов, биоматериалов, в кругу своих коллег ему было гораздо интереснее, чем вкушать прелести столичной жизни. У него не было друзей, не было любимой девушки, не было никаких тусовок и другого рода развлечений. Секс, конечно же, был, всего лишь секс, как удовлетворение физиологических потребностей, не более. Лаборантка Света вполне устраивала Геннадия. Он видел, что та была влюблена в него, при этом никаких особых требований не предъявляла.

– Ты должна понимать, – сказал ей Савин, после первой проведенной в ее постели ночи. – Ты должна понимать, что у меня нет времени на ухаживания, что я не готов к чему-то большему, чем периодические короткие встречи, подобные этой. Для меня, пока что, работа на первом месте. Если тебя это не устраивает, будем считать, что сегодняшней ночи, вообще, не было, – заключил Геннадий и стал одеваться.

Он посмотрел на часы и поспешил к выходу.

– Не опаздывай. Я побежал, – сказал Савин, закрывая за собой дверь.

Приезжать к зданию лаборатории вместе со Светой он не собирался и совсем не задумывался, как отнесется к его словам девушка. А та приняла его условия, продолжала работать и ждать, когда наступит следующая ночь, ночь с любимым.

Фанатизм молодого ученого был настолько силен, что гибель родителей в автокатастрофе, не стала для него трагедией. Возможно, ему чуть-чуть было жаль мать, посвятившую всю свою жизнь сыну и мужу. А что касалось отца, то Геннадий только вздохнул с облегчением. Последнее время они часто конфликтовали. Дмитрий Иванович был против многих идей сына, не давал возможности, воплотить их в жизнь. А уж о начале испытаний на людях, он вообще ничего слышать не хотел.

– Рано, слишком рано. Мы не можем рисковать человеческой жизнью, – таков был его ответ.

И вот, сама жизнь убирает такую серьезную помеху. Геннадию пришлось постараться, чтоб скрыть свои истинные чувства. Приняв соболезнования и помощь коллег, он похоронил родителей, и, наконец-то, почувствовал себя свободным, абсолютно свободным. От отца Савину достались все разработки, которые помогли ему достаточно быстро добиться успеха. От младшего научного сотрудника Геннадий дорос до руководителя всего центра. Он не заметил, как пролетели почти десять лет с его приезда в Москву. Теперь он уже не сын Савина Дмитрия Ивановича, выдающегося генетика. Теперь он, Геннадий Дмитриевич Савин – доктор наук, автор многих трудов в области генетики и нейрофизиологии, в области молекулярных и клеточных технологий, разработчик генной терапии. Десять лет не прошли, они пролетели, но, пролетели не впустую. Сейчас Геннадий Дмитриевич мог позволить открыть свою клинику в Екатеринбурге. Ее название хоть и было СПТХ, что значит Современные Технологии Пла-

стической Хирургии, пластическая хирургия, это было самое последнее, чем будут заниматься сотрудники клиники. Именно в ней Савин собирался проводить свою основную работу, без того ограничивающего контроля со стороны государства. Мужчина продумал и просчитал каждый шаг.

Дом, в котором сейчас проживало семейство Кныш, достался ему по наследству от родителей вместе с прислугой. Жить в нем Геннадий Дмитриевич не собирался. Приезжая в Екатеринбург по делам, мужчина останавливался в нем, и, даже, не стал менять обслуживающий персонал. Только его стены так и остались чужими. Большой, двухэтажный дом мало чем отличался от стоящих рядом творений, с воплощенными в них креативными для того времени идеями архитектора. Неуютно чувствовал себя Савин в этом доме, не смотря на все комфортные условия. Чужие стены, чужие люди в лице прислуги. Другое дело квартира, в которой он вырос. В ее преобразование мужчина вложил душу. Удачно совмещенные с современным дизайном его личные предпочтения сделали ее стены еще роднее. Домработница, приходящая два раза в неделю, не создавала ощущения вторжения в его личную жизнь чужого человека. Было время, когда Геннадий Дмитриевич уже хотел избавиться от отцовского дома, но передумал. Он нашел для него хорошее применение.

Тогда шел набор добровольцев для начала его эксперимента. Где, как ни в Москве, проще всего найти людей, готовых на все, чтоб зацепиться в столице. Люди, стремящиеся к воплощению своей мечты, почему-то, уверены, что именно в Москве их ждет удача, что только там они смогут добиться успеха и по-настоящему прославиться. Почему-то, все забывают, или считают, что слова «Москва слезам не верит», к ним не относятся. Но, наступает момент, и, вытерев эти слезы, расставшись с иллюзиями, они начинают искать любые способы выжить и задержаться в равнодушной столице хотя бы еще на год. С таким контингентом проблем практически не бывает.

Так в его жизни появилась Анжела Кислицина. Среди собравшихся в тот день добровольцев она была самым подходящим кандидатом для осуществления его грандиозных планов. Правда, в них не входили никакие личные отношения. Поняв, что девчонка влюбилась в него, Савин подумывал найти ей замену, но потом решил использовать и такой поворот событий. Геннадий Дмитриевич умело манипулировал Анжелой, приучал ее к красивой жизни, не обделял своим мужским вниманием, всегда брал ее с собой на отдых. Со стороны можно было подумать, что это счастливая пара, которая скоро поженится. На самом же деле Савин постепенно, приучая девушку к себе, подстраивая под свои планы, готовил из нее безотказную исполнительницу для его дальнейшей работы.

Пока Анжела вкушала все прелести столичной жизни, Геннадий Дмитриевич готовился к переезду в родной город. Он часто уезжал в Екатеринбург, контролировал строительство клиники, подбирал подходящий штат, приобретал оборудование. Перед самым переездом вспомнил Савин и о своем друге. Он навел о Лукьяненко справки и сам предложил встретиться. Как и предполагалось, Лукьяненко работал реаниматологом. Его материальному положению можно было посочувствовать. Сергей за все эти годы так ничего и не заработал, жил с женой и двумя сыновьями двойняшками в маленькой хрущевской квартире. Денег на покупку нового жилья скопить не получалось. Геннадий Дмитриевич не мог не заметить, как Лукьяненко расстроился, почувствовав себя ничтожеством на фоне преуспевающего друга.

– Да, ты молодец, Геныч! Ничего, что я тебя так называю?

– Ради бога, я пока еще не твой начальник.

– А что, может, возьмешь меня к себе? – осторожно поинтересовался Сергей. – Так все осточертело, если б ты знал. Мне ведь даже рассказать тебе нечего.

– Ну, почему же нечего? Мне все интересно. Расскажи о работе, семье.

– А что работа? Ничего интересного. Это у тебя, в Москве, работа, а у меня, так, рутина.

– Зачем же так? Разве возвращать людей с того света это рутина? Знаешь, а я ведь скоро в Екатеринбург приеду. Думаю, что смогу тебе помочь.

– Да? Что ж, я всегда готов, хоть сегодня.

– Ну, не сегодня, конечно, но очень скоро, максимум через месяц. А ты пока время зря не теряй. Отнесись к своим больным внимательнее. Меня интересуют самые безнадежные, я возьмусь за их лечение.

– Так у нас, каждый второй безнадежный.

– Мне нужен не каждый, а желательно тот, у кого нет родственников.

– Зачем тебе это? Разве это имеет значение?

– Для меня, да. Кто им поможет? Они никому не нужны. Государство не будет за свой счет ставить их на ноги, не так ли?

– Тут ты прав. Что ж, я согласен.

– Ну и славно. Я оставлю тебе свой номер, как появится подходящий пациент, сразу сообщи.

– Да у меня уже есть такой. Вернее не у меня. Был я тут в гостях у Шурика Гальчина. Помнишь такого?

– Нет, но не важно.

– Ну да, он же со мной на кафедре был. Так вот, к ним доставили обгоревшего мужика. Безнадега полная. Его, конечно, поддерживают, как могут, но говорят не жилец. Да, и не имени, ни фамилии, ни документов и никто его не ищет, никому он не нужен, лежит и гниет потихоньку.

– Ты мне адресок дай.

– Кого, Шурика?

– Нет, его больнички. Пожалуй, это то, что надо. Переведем его к тебе, пусть побудет под твоим присмотром. С твоим руководством я обо всем договорюсь.

– А, вдруг, он помрет при перевозке?

– Не помрет. У нас есть на чем транспортировать подобных больных. Не помрет. Главное, ты его возьми себе. Как говоришь, его зовут?

– Так никак. При нем не было никаких документов, вернее, они сгорели. Не знаю, что там точно произошло, но, говорят жуть. Мужик и женщина в машине, она сгорела, он умудрился выбраться. Шурик говорит, у него нет лица, жуть, да и только.

– Подробности я сам узнаю. Твоя задача принять его у себя.

– Ты думаешь, наше начальство пойдет на это?

– Пойдет, куда денется. Все необходимое для этого безымянного мы вам предоставим, плюс с оборудованием поможем.

– Ну, если так, то думаю, Егоров согласится. Финансирования не хватает, сам понимаешь.

– Да, как не понять. Тебе не кажется, что очень своевременно я тебя нашел?

– Да, вообще, слов нет. Я рад, я очень рад.

– А я то, как рад.

Действительно та встреча была до невозможности своевременной. Довольный будущими перспективами Лукьяненко летел домой на крыльях. Да и Савин остался не просто довольным, он был приятно возбужден, в предчувствии очень интересной работы. Наутро он улетел в Москву, где достаточно быстро и без проблем ему удалось решить все вопросы. Через неделю Геннадий Дмитриевич вернулся в Екатеринбург с Анжелой. Он поселил ее в гостинице, а сам вплотную приступил к работе. С паспортами проблем не возникло. Фотографии для будущей госпожи Кныш у него были, и для ее супруга нашлась подходящая. Подходящая, в том смысле, что этого человека уже не было в живых, никто не будет его искать. Возраст мужчины примерно соответствовал возрасту его пациента. Внешняя схожесть была не важна, так как, глядя на свое обгоревшее лицо, он вряд ли поймет, что владелец паспорта и он сам совершенно разные люди.

В случае полного выздоровления, господин Кныш получит новые документы, с его собственными фотографиями. Для Савина это не было проблемой. Уже через несколько дней он принесет Анжеле новые удостоверения личности. Так она станет Ларисой Кныш, а пострадавший, лежащий в ожоговом центре под наблюдением Лукьяненко, ее муж, Кныш Вадим Викторович. Хотела Анжела этого, или нет, но она выучила наизусть придуманную историю их с Кнышем семьи и стала навещать его. По мере восстановления новоиспеченного супруга, женщина приучала его к себе и сама пыталась привыкнуть к своей новой роли.

До сих пор все шло гладко. А тут, вдруг, взбеленились все, словно, договорились. «Ничего, ничего, пусть побунтуют», – думал сейчас Савин, сидя в своей квартире. Что происходит в семействе Кныш, он понимал, и был уверен, что все разрешится, ведь он полностью контролирует ситуацию. А вот с Лукьяненко необходимо что-то решать. Тот паникует, паникует и этим может навлечь лишние проблемы. «Этот идиот не понимает ничего, абсолютно ничего. Ему и в голову не придет, какие люди стоят за мной. Если я имею то, что имею, делаю то, что делаю, значит, чувствую солидную поддержку, очень солидную. В моей работе заинтересованы такие люди, что помешать ее выполнению не может никто. Никто, тем более какая-то там журналистка. Этот кретин своей суетой только обостряет ее интерес и еще больше привлекает ее внимание. Но, ничего, разберемся, со всеми разберемся», – подвел итог своим размышлениям Савин. Он подошел к музыкальному центру, и, выбрав любимую оперу Вагнера, нажал на кнопку. Мужчина откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Классическая музыка, вот что его успокаивало, вдохновляло, давало ему сил. Уже через несколько минут все остальное для Геннадия Дмитриевича перестало существовать.

Безуспешные попытки Лукьяненко дозвониться до Савина закончились тем, что он швырнул свой мобильник на пол. Благо, тот не разбился, и, успокоившись, Сергей снова взял телефон в руки. Мужчина набрал номер жены, узнал, что та собирается делать утром. Для него было бы лучше, если б Галя ушла куда-нибудь, так хотелось остаться одному. Но в планы жены, похоже, не входила никакая утренняя прогулка. У женщины был свой распорядок дня, куда спешить, ведь теперь она не работала и жила, так как живут все домохозяйки. Это в данный момент Лукьяненко только раздражало. Впервые за последнее время он пожалел, что в его жизни снова появился Геннадий.

Эта встреча бывших друзей произошла чуть больше двух лет назад. Тогда Савин сам нашел его и пригласил на ужин в ресторан. В тот вечер Сергей был искренне рад встрече. Да, зависть к успехам друга присутствовала, но появилась надежда. Конечно, Лукьяненко понимал, что Геннадий преследует в первую очередь свои цели. Но, в тот момент это было неважно, ведь он предложил свою помощь. Было бы глупо отказаться от очень выгодного сотрудничества, тем более, что помыслы друга казались благородными. Тогда Сергей не видел ничего плохого в предложенной ему работе. Напротив, он был уверен, что будет помогать безнадежным пациентам, оказавшимся в стенах его реанимационного отделения. Они, все равно бы умерли, а Савин имеет возможность вернуть их к жизни, к полноценной жизни, не сомневался мужчина.

Побывав в его клинике, Лукьяненко долго не мог поверить, что у нас в стране может существовать такое. Клиника снабжена таким совершенным оборудованием, имела такие оснащенные лаборатории, операционные, не говоря уже об отдельных палатах, что у Сергея долгое время было ощущение, что он просмотрел какой-то научно-фантастический фильм.

– Как тебе это удалось? – только и смог он сказать в конце той экскурсии.

– Работа и только работа. Нет ничего невозможного, главное знать, что ты хочешь и идти к этому.

– Да, у меня нет слов. Ты то, всегда знал, чему я удивляюсь. Скажи, есть ли у меня хоть маленький шанс поработать здесь?

– Шанс есть всегда. Но, пока ты мне нужен у себя в отделении. Всему свое время, найдем место и для тебя. Не расстраивайся. За свой скромный труд ты будешь получать хорошую зарплату, настолько хорошую, что ты и сам не захочешь покидать свою больничку.

Савин не обманул. За каких-то, два года Лукьяненко смог купить себе новую просторную квартиру, перевести детей в приличную школу, мог позволить себе дорогой автомобиль и освободить жену от обязанности каждый день ходить на работу. Материальное положение семьи Лукьяненко взлетело на несколько уровней, за что тот был благодарен Геннадия. Сергея устраивало все, тем более что Савин не требовал поставить одиноких больных на поток. Пока он ограничился тем неизвестным мужчиной, который был доставлен из Челябинска. Лукьяненко не особо волновало, откуда появилась эта женщина, что представилась женой пострадавшего. Лариса Кныш предъявила документы и вела себя так, как в таких случаях ведут заботливые жены. Все необходимые бумаги были оформлены правильно, ничего незаконного Лукьяненко не совершал. Он, действительно, уже и сам не видел необходимости переходить в клинику друга. Зачем? Когда его дела и без этой лишней суеты стали налаживаться.

И вот, это безмятежное существование было нарушено. Откуда взялась эта назойливая мадам, которая своими звонками, неожиданными и надоедливими, нарушила стабильность, начинающую только-только укрепляться. Неделю назад во время очередного дежурства в ординаторской зазвонил телефон. Сергей взял трубку, в полной уверенности, что звонит жена.

– Здравствуйте, – услышал он женский голос. – Могу я поговорить с Лукьяненко Сергеем Николаевичем?

– Я слушаю.

– Сергей Николаевич, меня зовут Анна Орлова, я корреспондент журнала «Объектив».

– Ну, и причем здесь я? – перебил ее Лукьяненко.

– Вы не перебивайте, пожалуйста. Дело в том, что мы хотим написать статью о Кныше Вадиме Викторовиче, владельце салона «Мирабель».

– Пишите, кто вам не дает. Я – то тут причем?

– Нам удалось узнать, что когда-то он находился у вас на лечении. Как удалось вам поставить его на ноги? Как вообще он мог выжить, получив ожоги, не совместимые с жизнью?

– Послушайте, Анна, мы выполняем свою работу и неплохо выполняем. Мне нечего вам больше сказать. Извините, но я не могу больше тратить на вас время.

Лукьяненко положил трубку. Не успел он отойти от аппарата, как тот снова зазвонил.

– Да, – раздраженно ответил мужчина.

– Сергей Николаевич, я думаю, не стоит так прерывать разговор.

– Послушайте, как вас там? Анна Орлова, я ничем не могу вам помочь. Что тут непонятного? У меня нет времени и нет желания с вами разговаривать.

– Я думаю, вы ошибаетесь. И не нужно так нервничать. Я могу, собственно, обойтись и без вас. Но, хотелось бы, чтоб собранный мною материал не навредил никому, в первую очередь вам, Сергей Николаевич.

– Что вы имеете в виду? Это что, угроза?

– Боже упаси, какие угрозы! Я предлагаю вам встретиться в каком-нибудь тихом местечке и все обсудить.

– Хорошо. Когда и где?

– Если вам удобно, то завтра. А время и место выберите сами.

– Давайте в районе обеда. Оставьте мне номер вашего мобильного, я завтра уточню место и время.

– Пишите, – женщина продиктовала свой номер. – Всего вам доброго, до завтра.

– И вам того же, – буркнул Лукьяненко и положил трубку.

Сергей хотел тут же позвонить Савину, и, даже, набрал его номер, но передумал. «Что за паника? Что ты засуетился? Успокойся, нет поводов для волнения. Подумаешь, какая-то журналистка хочет написать статью. Пусть пишет», – внушал себе Сергей. Но, уверенности и успокоения эти слова не приносили. Все дежурство он только и думал о предстоящей встрече.

Вернувшись утром домой, он сорвался на жену, которая пыталась накормить его завтраком и задавала кучу вопросов, смысл которых он так и не понял.

– Что с тобой? Что ты орешь? Если ты устал, так и скажи, – остановила его Галя.

– Прости. Я, действительно, устал, – уже спокойнее произнес мужчина.

Он отодвинул тарелку с блинами и встал из-за стола.

– Прости, я пойду, пожалуй, прилягу, – Сергей чмокнул жену в щеку и ушел.

Он закрылся в спальне и прислушался. Галя суетилась на кухне, было слышно, как шумит в кране вода. Лукьяненко достал мобильник из кармана рубашки и набрал номер Орловой. Они договорились встретиться в летнем кафе, недалеко от редакции ее журнала. Сергей прилег на кровать, и, закрыв глаза, пытался задавать себе предполагаемые вопросы, и подбирал к ним подходящие ответы. Казалось бы, ничего не случилось. Что страшного в предстоящей встрече? Ничего. Почему тогда мужчине было так тревожно? Отвратительное, щемящее душу предчувствие не отпускало его со вчерашнего вечера. Когда в спальню заглянула жена, он сделал вид, что спит. Та постояла немного в дверях и ушла. Лукьяненко слышал, как Галя возилась в прихожей и вскоре куда-то ушла. Это было так к стати, что мужчина мысленно поблагодарил ее. Он совсем не хотел ей ничего объяснять, а уж тем более срывать на ней свою нервозность. Сейчас Сергея раздражало все, потому что он был напуган, сам не понимая до конца причину своего страха.

Впервые мужчина задумался об ответственности за свою не совсем законную деятельность. Савин, конечно, может многое, в этом Сергей не сомневался. Но, случись что, всегда найдется стрелочник, и этим стрелочником может стать он. До встречи с Орловой оставалось почти три часа. Находиться в доме Лукьяненко не мог. Он быстренько принял душ, переоделся и ушел. Оставшиеся часы мужчина просто ездил по городу. В потоке машин ему было спокойнее, движение отвлекало от дурных мыслей.

Анна Орлова пришла на встречу вовремя и сразу направилась к столику, за которым сидел Сергей.

– Как вы узнали меня? – произнес удивленный мужчина вместо приветствия.

– Нет ничего проще. Вы забываете, где я работаю. В интернете нашла статью о вашем Ожоговом центре. Там писали и об отделении реанимации, были размещены фотографии лучших работников, среди которых есть и вы, Сергей Николаевич.

– Да? А я и не знал.

– Давайте к делу. Я уже говорила о чем, вернее о ком будет моя статья. Так вот, мне бы хотелось знать подробности.

Лукьяненко произнес заготовленную речь.

– Это, собственно, все, что я могу вам рассказать, – заключил он.

– Неужели? Вы ничего не сказали о вашем друге, Савине.

– Мне нечего о нем говорить. Мы были друзьями, когда учились. Сейчас каждый идет своей дорогой.

– А разве нет его заслуги в чудесном выздоровлении господина Кныша?

– Да, он помог нам с оборудованием. В его клинике сделали пластику Кнышу, привели его в человеческий вид.

– И это все?

– Да.

– А откуда взялся этот Кныш?

- Его привезли к нам из Челябинска.
- А почему к вам? Почему не лечили там?
- Я не знаю, это не мое дело. Я не выбираю.
- Хорошо. Тогда ответьте мне честно, этот Кныш... Нет, вернее не так. Вы уверены, что этот мужчина действительно Кныш Вадим Викторович?
- Да, уверен. Его нашла жена. Я видел документы ее и его.
- Вы уверены?
- Да. А что, это имеет значение для вашей газеты?
- Еще какое. Народ любит, когда раскрываются тайны, особенно тайны известных людей.

А Кныш сейчас стал очень популярным, в его салон очередь на месяцы вперед.

- Понимаю, но мне нечего вам больше сказать. Я спешу, дела, знаете ли.
- Не могу вас задерживать, но, если у вас появится желание рассказать еще что-нибудь, звоните.
- До свидания, – произнес Сергей и встал из-за стола.

– До свидания. Подумайте хорошо, – Орлова посмотрела на Лукьяненко так, словно знала, что эта встреча не последняя.

- Я уже все сказал, – еще раз повторил тот и поспешил к выходу.

«Слава богу, слава богу. Все гораздо проще. Этой мадам нужны интриги. Ничего она не знает и не может знать. Твоя тревога была ложной», – думал Сергей, возвращаясь домой.

Прошло три дня после той встречи, и он уже окончательно успокоился. Только зря, Орлова позвонила еще раз. Лукьяненко не собирался с ней долго разговаривать, а тем более встречаться.

- Оставьте меня в покое! Мне нечего вам больше сказать.
- А я думаю, есть. Я уверена, Кныш не какой не Кныш, и вы это знаете, – успела произнести женщина, пока Сергей не бросил трубку.

Мужчина какое-то время молчал.

- Я перезвоню вам сам, – наконец, сказал он. – Поверьте, мне сейчас не до вас, я, все же, на работе нахожусь.

– Хорошо. Я буду ждать. Я уверена, вы позвоните мне, это в ваших же интересах. – Орлова положила трубку.

- Черт! – вслух выругался Сергей.

Он посмотрел по сторонам и убедился, что в ординаторской никого нет. Походив из угла в угол, Лукьяненко достал мобильник и набрал номер Савина. Он все рассказал об этой назойливой и через чур любопытной журналистке. Геннадий Дмитриевич не паниковал, а посоветовал Сергею взять себя в руки и успокоиться, пообещав, что сам решит эту проблему.

Прошло еще три дня, Савин так и не объявлялся. «Наверное, урезонил эту мадам», – думал Лукьяненко. Но, эти оптимистичные мысли позволили расслабиться лишь ненадолго. Орлова позвонила снова. В ее голосе уже не было той наглости и уверенности, которая так и перла при первой встрече. Женщина ничего не требовала, она просила о встрече, убеждая в ее важности и необходимости для них обоих. Анна так искренне говорила, что мужчина поверил ей. Он, вдруг, почувствовал, что угроза исходит не от нее. Савин, вот кого нужно бояться. Если тот ежемесячно платит кругленькую сумму практически ни за что, значит, он знает, зачем нужны такие расходы. И это «ни за что» расшифровывается, как плата за молчание. «Боже, куда же я вляпался!» – испугался Лукьяненко. От таких мыслей по спине Сергея пробежали мурашки, а на лбу выступил пот. Он, сам не понимая, зачем, тут же набрал номер Геннадия Дмитриевича. С каждым гудком его сердце колотилось все сильнее и сильнее. Савин не отвечал, и, похоже, совсем отключил телефон. Все последующие попытки дозвониться до него прерывались словами: «Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны действия сети».

По утрам Савин всегда просыпался без будильника. Вот и сегодня, ровно в семь он открыл глаза. Каждый его день был расписан по минутам, согласно плану, составленному накануне. Вчера эти его планы были нарушены, но это было вчера. Оценив назревающие проблемы, Геннадий Дмитриевич отнес их к незначительным, но, все же, решил посвятить их решению весь сегодняшний день. Он понимал, что именно такие, на первый взгляд, ничего не значащие события, могут постепенно превратиться в одну большую проблему. Этому мужчина допустить не мог.

Не любил Савин обращаться за помощью в правоохранительные органы, но сегодня придется это сделать. Был у него один человек, занимающий высокий пост в МВД, Грушницкий Павел Егорович. Грушницкий многим обязан не самому Савину, а их общим знакомым из Москвы, которые очень заинтересованы в успешной работе его клиники. Геннадий Дмитриевич нашел нужный номер в контактах мобильного и нажал на «вызов».

Возможно, Грушницкого не обрадовал столь ранний звонок, но он, не задумываясь, назначил встречу. Через час Савин уже сидел в его рабочем кабинете.

– Мне нужно знать все про Орлову Анну Алексеевну. Кто такая, где живет, чем занимается и так далее, – изложил он цель своего визита после недолгого приветствия. – Да, она работает корреспондентом в журнале «Объектив», будет не плохо, если об этой писачке вы раздобудете мне все.

– Не проблема. Не буду даже спрашивать, зачем вам это.

– Ну и хорошо. Я надеюсь, это не займет много времени?

– Думаю, нет. К вечеру вся информация о ней будет у вас на столе. Как вам у нас в Екатеринбурге? – перевел Грушницкий разговор на другую тему.

– Почему же, у вас? Я у себя дома. Я родился и вырос здесь.

– Да? А я и не знал. Я сам как раз таки из Москвы.

– Тогда это мне впору задавать подобные вопросы.

– Знаете, а я привык, и достаточно быстро. Свободнее здесь, легче дышится.

– Понимаю вас. «Подальше от начальства, поближе к кухне», не так ли?

– Именно так. Кому, как не вам, это понимать.

Савин постарался быстрее закончить этот разговор. Сославшись на дела, он покинул кабинет Грушницкого. Геннадий Дмитриевич вышел из здания министерства и сел в машину. Посмотрев на часы, он решил, что самое время побывать в гостях у семейства Кныш. Мужчина был уверен, что Вадим уже у себя в салоне, и это было хорошо. Он собирался вправить мозги Ларисе. Савин сказал водителю, куда ехать, и, устроившись по удобнее, стал смотреть на дорогу. Когда машина остановилась у ворот знакомого дома, он попросил не заезжать во двор.

– Пока ты свободен, Аркадий. Подъедешь за мной часа через два, – сказал Геннадий Дмитриевич водителю.

– Хорошо, – ответил тот.

Савин не ошибся, Лариса была одна. Она не очень-то обрадовалась такому неожиданному визиту. Но это не имело для него никого значения. Мужчина, вдруг, почувствовал, как соскучился по ее телу, по ее ласкам и на какое-то время совсем забыл, с какой целью приехал сюда. Лариса сегодня была хороша, очень хороша. Без макияжа, в домашней одежде она чувствовала себя какой-то незащищенной и растерянной. Эта растерянность делала ее еще привлекательнее, она была такой манящей. Геннадий еле сдержался, чтоб не наброситься на нее сразу после ее холодного и недолгого приветствия.

– Если гора не идет к Магомеду, – начал Савин, но женщина перебила его.

– Давай, без этого. Совсем необязательно было приезжать. Что, боишься, сбегу?

– Нет, не боюсь.

– Вадима нет. Он с утра уехал в салон.

– А я к тебе.

– Что ж, пошли, сделаю такому гостю кофе. Пошли, пошли, что стоишь. Будь как дома, здесь же все твое.

Савин подошел вплотную и прижал женщину к себе. Она сделала попытку отстраниться, но мужчина только крепче сжал руки.

– Если я сказала, все твое, я не имела в виду себя.

– А зря.

Сопротивление Ларисы еще больше возбуждало Геннадия. Почувствовав в руках ее тело, он окончательно забыл, зачем пришел. Мужчина стал жадно целовать ее шею, волосы, лицо.

– Боже, как же я хочу тебя, – шептал он.

Поцелуй в губы, осторожный, проникновенный и дразнящий поубавил агрессию протестующего женского организма. Савин почувствовал, как Лариса расслабилась, а по ее телу прошла едва уловимая дрожь. А когда он прерывался и лишь едва касался ее губ своими губами, женщина, желая продолжения, сама начинала целовать его. Геннадий подхватил Ларису на руки и стал подниматься на второй этаж. Он знал, где находится спальная и нес ее туда. Охваченные такой неожиданной страстью любовники улаживали друг друга снова и снова. Первой пришла в себя Лариса.

– Савин, что мы делаем? – спросила женщина, когда уже совершенно обессиленные они просто лежали рядом.

Мужчина открыл глаза и резко сел.

– А что мы делаем? Разве тебе было плохо?

– В том то и дело, что хорошо. Кто я для тебя, Савин? Ты ведь не любишь меня, я знаю.

– Я никого не люблю. Но, знаешь, ты лучшая из женщин, которые у меня были. Разве этого тебе мало?

– Какое же ты дерьмо, Геннадий Дмитриевич! – произнесла женщина и вскочила с постели. – Ты просто чудовище, чудовище, слышишь? Чудовище, для которого не существует никакой морали, – продолжала она. Дерьмо и чудовище! – Лариса повернулась и пошла в ванную.

Когда она вышла оттуда, Савин уже сидел одетый на краю кровати.

– Чего ты хочешь? – спросила женщина равнодушным и уже спокойным тоном.

– Только одного, чтоб ты выполняла свою работу. Я хочу, чтоб ты довела ее до конца. Да, и не советую тебе совершить какую-нибудь глупость, типа чистосердечного признания мужу. Даже не думай рассказать ему правду.

– А то что?

– Что? Да, собственно, ничего. Ничего, для тебя уже не будет ничего. Просто не станет Ларисы Кныш, а уж тем более Анжелы Кислицыной.

– Даже так?

– Даже так, – повторил Савин. – Я даю тебе неделю. Пусть твой супруг делает сейчас все, что хочет. Не надо пока тянуть его ко мне в клинику. Пусть расслабится, он имеет право. А через неделю ты дашь ему вот эти таблетки. Не бойся, они не убьют его и даже не навредят. Он просто почувствует себя плохо и сам захочет обратиться ко мне. Ты все поняла? Приедешь вместе с ним. Я думаю тебе не сложно выполнить эту мою маленькую просьбу. А пока, пока отдыхайте, наслаждайтесь жизнью.

Лариса молчала. Савин и не ждал от нее ответа, он посмотрел на часы.

– Мне пора. Аркадий уже заждался. – Мужчина вышел из спальни.

Женщина не пошла, его провожать, на что он не обратил внимания, ему не нужны были провожатые. Савин убедился, что Лариса не будет замышлять против него ничего, не посмеет,

потому что понимает, что ее жизнь и все, что с ней связано, полностью в его руках. Довольный Геннадий Дмитриевич вышел на улицу и сел в машину.

– В клинику, – сказал он водителю.

Когда машина подъезжала к ее зданию, Савин внимательно смотрел, как выглядит со стороны его творение. С виду эта современная постройка вполне соответствовала своему названию. Клиника, как клиника. Да и внутри для постороннего взгляда не было ничего необычного. Никому и в голову не придет, что у этого здания под землей имеется еще два этажа. Именно там, в оснащенных новейшим оборудованием, лабораториях, операционных и манипуляционных, специальных боксах проводится основная работа. Геннадий Дмитриевич гордился своим детищем, и сейчас, глядя на него со стороны, он довольно улыбался.

– Здравствуйте, Геннадий Дмитриевич, – поприветствовал его охранник. – А мне передали, что вас сегодня не будет.

– Да, что поделывать, отдыхать нет времени, – ответил мужчина, и, взяв ключи от своего кабинета, поспешил уйти.

Только он вошел в него, как раздался телефонный звонок. Это был Грушницкий.

– Геннадий Дмитриевич, я выполнил вашу просьбу, – сказал он без вступлений. – Вся информация об Орловой у меня. Я могу переслать ее вам на почту, скажите E-mail и через минуту можете изучать.

Савин поблагодарил Павла Егоровича и продиктовал рабочий адрес. Электронная почта очень упрощает современную жизнь, уже через несколько минут мужчина изучал полученные материалы. Прочитав все внимательно, Савин сделал вывод, что не все так страшно, как надумал себе Лукьяненко. Орловой он решил заняться сам.

– Кстати, о Лукьяненко, – сказал мужчина вслух и взял в руки мобильник. Еще не прозвучал второй гудок, как Сергей ответил.

– Ты сейчас где? – спросил Геннадий Дмитриевич без всяких приветствий.

– Дома.

– Подъезжай в клинику, я жду тебя.

– Хорошо, – ответил Лукьяненко.

Савин отключил телефон и откинулся на спинку кресла. «Все приходится делать самому, абсолютно все», – подумал он.

Глава четвертая

Анна ждала звонка от Лукьяненко. «Он позвонит. Он обязательно позвонит», – думала она. Женщина чувствовала, что этому, избегающему разговора доктору, есть что рассказать. А ведь еще совсем недавно ей и в голову не могло прийти, что в исчезновении ее любимого человека может быть замешан сотрудник медицинского учреждения. Это сейчас Орловой кажется все вполне логичным, а тогда, тогда она уже почти смирилась с тем, что поиски ее Игоря давно прекратились. Игорь Алексеевич Збруев был признан пропавшим без вести. Как? Как такое может быть? Эти вопросы женщина постепенно перестала себе задавать, так же, как и перестала обивать пороги полиции. Она смирилась, вернее, думала, что смирилась.

Анна жила одна. Ее мать, Вера Анатольевна, в очередной раз вышла замуж и уехала к мужу в Италию. Родного отца она никогда не видела, он бросил семью сразу после рождения дочери. Но, Вера Анатольевна, пережив этот уход, достаточно быстро нашла замену мужу. Анна не понимала тогда и не понимает сейчас, как матери удавалось найти именно того мужчину, который будет ее любить, содержать и хорошо относиться к приемной дочери. Наверное, ее красота и своеобразный талант влюблять в себя представителей противоположного пола помогали ей жить ей в полном взаимопонимании и дружбе со своей собственной удачей. После первого отчима появился второй, третий. Со всеми Вера Анатольевна жила в достатке, комфорте, и, может, даже, в любви. «Все ради тебя, Аничка. Все ради тебя», – любила говорить мать, когда назревал момент смены очередного мужа. Итальянец был пятым по счету. Анна к тому времени стала взрослой и отказалась ехать с матерью к нему на Родину. Зачем ей какая-то Италия, ей и в родном Екатеринбурге было хорошо. В то время она познакомилась с Игорем. Девушка была счастлива, чего и пожелала матери, провозжая ее в аэропорту.

– Я буду тебе помогать, ты же знаешь. А ты приезжай к нам в гости, – говорила Вера Анатольевна перед посадкой в самолет.

– Конечно, конечно, – отвечала Анна. – Все будет хорошо, мамочка, ты не волнуйся.

Роман с Игорем начался со знакомства на Дне рождения Семена Ермакова, с которым она дружила с детства. Они жили в одном доме, на одной лестничной площадке. Семен относился к Анне, как к младшей сестре, опекал ее, заступался за нее, если того требовали обстоятельства. Даже повзрослев и съехав от родителей на квартиру бабушки, он не забывал свою соседку. Возможно, когда-то Ермаков и был влюблен в нее. Анна же всегда воспринимала его, как брата. Она обрадовалась, когда Семен, наконец-то, встретил свою девушку, Катю Исаеву, и задумался о создании семьи.

Тот день, когда Ермаков пригласил ее на свое торжество, вообще был удачным. Именно тогда Орлову взяли на работу в журнал «Объектив», который был очень популярен в Екатеринбурге. Творческая группа журнала подразумевала под таким названием не только зоркое, бдительное и всевидящее око фото и кинокамер, но и объективное освещение событий, происходящих в городе. Тематика была рассчитана на широкий круг читателей. Его с удовольствием читали как домохозяйки, так высшие мира сего. Особый интерес вызывали статьи о знаменитостях Екатеринбурга, другая сторона их жизни, не выставляемая на показ, а так же журналистские расследования нагретых криминальных историй. Насколько объективными были публикации журнала на самом деле, читатели не задумывались, главное на его страницах каждый находил то, чем мог потешить свое любопытство. Журнал пользовался большим спросом, и количество его тиражей росло. Попытки недоброжелателей и конкурентов закрыть его, так и не увенчались успехом. «Объектив» продолжал регулярно выходить, и, вопреки всяческим козням, занимал первое место среди подобных изданий.

Анна была несказанно рада тому, что стала членом команды этого журнала. Встреча с главным редактором, знакомство с коллегами проходило во второй половине дня. Довольная

и счастливая Орлова чуть не забыла, что приглашена на День рождения и явилась на торжество с большим опозданием. Знакомство со Збруевым, открывшим ей дверь, на тот момент абсолютно ничего не значило. Его активное ухаживание казалось девушке забавным, не более. Анна неплохо провела время, и, выбрав подходящий момент, ушла незаметно для заинтересованного в продолжении Игоря. Однако уже через два дня тот позвонил ей на мобильник и пригласил на ужин. «Почему бы и нет», – подумала девушка и согласилась. Это стало началом их романа, как принято говорить в таких случаях, головокружительного, будоражащего душу, придающего чувство полета.

Игорь совсем не был похож на тех мужчин, которых выбирала себе мать девушки. Он не бизнесмен, ни политик. Он представитель среднего класса. Как сказала бы о нем Вера Анатольевна. Но, у Анны на этот счет сложилось свое мнение. При всем кажущемся благополучии ее мать не была счастлива. Она всю свою жизнь играла роль любящей жены. Ей постоянно приходилось держать ситуацию под контролем, чтоб вовремя найти замену очередному мужу. Чтоб не оказаться брошенной и не остаться ни с чем. Зависимость от избранника рано или поздно начинала давить на мать, что заканчивалось очередным возвращением из его комфортабельного жилья в их родную квартиру. Анна же не хотела ни от кого зависеть. Повзрослев, она уже не моталась за Верой Анатольевной, и всегда была готова к тому, что скоро на пороге появится ее матушка со своими вещами. Нет, она не осуждала Веру Анатольевну, скорее, сочувствовала ей. Но повторять судьбу своей матери девушка не хотела. В ее голове давно созрел образ мужчины, которого она могла бы полюбить, за которого могла бы выйти замуж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.